

ГЛАВА 2

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
МЕНТАЛИТЕТА**

2.1. ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МЕНТАЛИТЕТА

Идея «ментальности» впервые возникла у социальных историков школы «Анналов», попытавшихся переориентировать обществоведение, во-первых, с изучения так называемых «объективных» социально-экономических отношений к анализу «субъективных» социально-психологических и духовно-культурных структур общества, и, во-вторых, переакцентации оценки социальных событий с позиций официальных доктрин на анализ неотрефлексированных алгоритмов жизнедеятельности народных масс. «...Обращение к ментальности как к фундаментальному слою сознания предполагает не только различение ментальности и идеологии, но и различение установок широких масс и элиты. ... Поворот, который осуществила школа «Анналов», и был поворотом к культуре «безмолвующего большинства», к противопоставлению «ученой» и «фольклорной» культуры, к постижению народной культуры и народного менталитета, к изучению массовых представлений, существующих по большей части неотрефлексированно» [23, с. 53]. С этой целью представители нового направления социологии, объединенные вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», «обратились к глубоким «пластам залегания» – ментальности, увидев в ней систему образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом, и функции которых – быть регулятором их поведения и бытия-в-мире» [23, с. 51].

Термин «ментальность» ввел в науку французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 году в своей работе «Первобытное мышление». Опираясь на понятие «коллективные представления», сформулированное Э. Дюркгеймом, используя этнографический материал о жизни народов Африки, Австралии, Океании, находящихся на разных этапах социокультурного развития, он сформулировал положение, в соответствии с которым определенным социально-культурным структурам соответствуют определенные коллективные типы мышления. К примеру, коллективное первобытное мышление, в отличие от мышления цивилизованного общества,

ориентировано на установление не логико-аналитических отношений, а мистико-прологических (дологических) отношений [30, с. 185-186]. Термином «ментальность», которому нет совершенно адекватного перевода, Леви-Брюль обозначил общность восприятия мира первобытными людьми, совершенно отличающегося от восприятия современными людьми. В представлении исследователей школы «Анналов» – перво разработчиков категории *mentalite*, ментальность представляет собой систему «образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [14, с. 48-49]. Первоначально категория «менталитет» (от позднелатинского *mentalis*, произведенного от латинского *mentis* – ум, *alis* – другие, от фр. *Mentalite* – образ мышления) обозначала наличие у каждой социокультурной общности некоего общего «нравственного инструментария», своеобразной «психологической оснастки», которая позволяет всем членам общества воспринимать окружающие их события более или менее одинаково, что и обеспечивает их синхронные, гармоничные действия. Эта «оснастка» обеспечивает ощущение индивидом своей одинаковости среди «своих» и различия, несходства с «чужими».

В настоящее время категория «менталитет» уже плотно включена в понятийный аппарат культурологов, психологов, социологов, политологов, философов, историков, экономистов, правоведов, она все больше становится инструментом междисциплинарного изучения социально-гуманитарных процессов. Сущность, характеристики и функции менталитета изучали и изучают представители различных социально-гуманитарных наук, поэтому подходы к изучению менталитета и выделение его сущностных характеристик и функций также различаются.

Представители культурологического направления рассматривают менталитет как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общностей людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, оказывающих влияние на исторические и социокультурные процессы. Исходя из того, что в абсолютном большинстве случаев поступки людей определяются синтезом рационального и чувственного, сознательного и подсознательного, представители культурологического направления содержание менталитета определяют тем уровнем общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания. Так, российский представитель культурологического направления А.Я. Гуревич под ментальностью понимает «социально-психологические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного по средствам целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи

на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием, завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определяется социальной средой; восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает» [34, с. 129]. Таким образом, менталитет, с точки зрения культурологов, представляет собой некую интегральную характеристику людей, живущих в определенной культуре, которая позволяет описать своеобразие ощущения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него. «Когда мы говорим о ментальности, то имеем в виду, прежде всего, не какие-то осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы, а то конкретное наполнение, которое в них вкладывается» [9, с. 454].

Представители *психологического направления* в исследовании менталитета в качестве базовых механизмов функционирования ментальных характеристик выделяют психологические константы на индивидуальном уровне и исследуют архетипы коллективного бессознательного. По определению представителя российской психологической школы И.Г. Дубова «...менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умозаключений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях, и задающую вместе с детерминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а, значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающую указанную общность от других» [21, с. 14]. В энциклопедическом политологическом словаре менталитет определяется как «обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума или даже умонастроений» [29, с. 174]. В приведенном определении очевидно доминирует психологический компонент, и не выражена его социально-деятельная сущность.

Социокультурное направление определяет менталитет как специфический синтез чувствований, верований, воззрений, характерных для данной эпохи, географической области и социосферы. Здесь менталитет исследуется в качестве инструмента, позволяющего сформировать интегральную характеристику социальной группы, объясняющую ее особенность синхронного рефлексирования на те или иные обстоятельства. «Ментальность (или менталитет) – это интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, с их особым способом восприятия мира, образом мыслей, иерархией жизненных ценностей, формами бытового и социального поведения» [33, с. 310].

Представители *социологического* направления исследуют менталитет как исторически обусловленные социальные настроения, социальные установки и стереотипы, сложившиеся в определенных исторических условиях. На непосредственную связь менталитета с социальной деятельностью указывает А.П. Огурцов, который фиксирует, что «... и практика, и социально-экономические отношения, и все формы поведения должны быть рассмотрены как производные от этих инвариантных образов и представлений, с помощью которых индивиды осмысливают мир и свое место в нем. Ведь структуры ментальности обладают и бóльшей исторической длительностью, и бóльшей устойчивостью относительно изменений общественно-политической истории. Менталитет поэтому и менталитет, что он определяет опыт и поведение индивида и социальных групп» [23, с. 51-52]. На социально-деятельную сущность менталитета указывает белорусский историк Б. Лепешко. «Ментальность как таковую не определяют те или иные константы того или иного социума, она всегда действует опосредствованно: через литературные произведения, идеологические концепты, правовые доктрины. Проще говоря – через интеллектуальную и практическую (трудовую), политическую и т. д. деятельность человека... тот или иной государственный выбор, та или иная подвижка в общественном сознании во многом коренится в феномене коллективной ментальности» [20, с. 62].

Социологично определяет менталитет И.К. Пантин, который фиксирует его «как выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. ...В менталитете определенной нации откладывается ... ее исторический опыт, пережитии ее формирования и развития. Менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [23, с. 30]. Из своего определения менталитета И.К. Пантин выводит его практическую функцию, заключающуюся в том, что «проблему менталитета можно поставить как ... социально-историческую, *объясняющую ряд составляющих национально-государственного существования* [23, с. 30]». (Выделено мною – В. К.). Представляется, что именно социальная разрешающая функция менталитета – оптимизация моделирования национального общественного обустройства через декодировку характеристик национального менталитета является достаточным мотивом в социологической разработке феномена менталитета.

Таким образом, анализ проведенных автором исследований в области менталитета позволяет определить его следующие принципиальные характеристики и функции. Менталитет представляет собой функциональный слой исторической памяти, «спрессованного»

социального опыта всех предыдущих поколений, обеспечивающих синхронизированные ощущения, переживания и действия всех или абсолютного большинства членов социума в одинаковых социальных условиях. Менталитет представляет собой гармоничную, внутренне непротиворечивую, взаимосвязанную систему характеристик, дающих воспроизводство устойчивых, повторяющихся базовых алгоритмов, обеспечивающих целостность социума в любых, в том числе и кризисных, условиях общественного развития.

Характерной особенностью менталитета является то, что он синтезирует в себе идеологию и веру, сознательное и бессознательное, логическое и эмоциональное, статическое и динамическое ощущение и действие. Ментальные нормы являются эмоционально насыщенными, трудно формулируемыми и, как правило, зафиксированы в передающихся от поколения к поколению социокультурных императивах поведения: предрассудках, обычаях, традициях, верованиях. Ментальные характеристики чаще всего проявляются не столько на уровне строгого формально-логического анализа, сколько «проговариваются» в поговорах, поговорках, мифах, былинах, преданиях, сказках, анекдотах.

Основными условиями, формирующими специфику национально-этнического менталитета, являются:

- *природно-климатические* условия, по терминологии Л.Н. Гумилева – «кормящий» ландшафт. На ранних этапах становления этнос практически полностью зависит от ландшафта, приспособляясь к нему; на стадии зрелости этнос приспособливает, создает искусственный ландшафт. Этнос, сформированный в конкретных природно-климатических условиях, при смене среды обитания скорее изменяет природные условия, чем изменяется сам;
- *геополитические* условия, которые определяют добровольные или насильственные эволюционные или экстенсивные формы восприятия этносом культуры «ближних» или «дальних» этносов;
- *социокультурные* условия, которые в значительной мере формируются под воздействием природно-климатических и геополитических условий, и выражаются в типе хозяйственной жизни, системе социальных отношений, ценностных ориентациях, нормах, стандартах поведения, обрядах, привычках.

Важнейшим атрибутом менталитета является его константность, устойчивость. Свойство устойчивости менталитета, его базовых характеристик актуализируется в кризисных ситуациях, когда появляется жесткая необходимость изменения направления и способов коллективного действия. Национальные особенности менталитета, соотношение, субординация динамических и статических характеристик и определяют, в

конечном счете, поведение нации в критических условиях системных кризисов.

Под воздействием изменяющихся социокультурных, геополитических, природно-географических и иных факторов, структура менталитета эволюционирует, в ней ослабляются одни и усиливаются другие характеристики. При этом, во-первых, менталитет не поддается произвольному регулированию, а, во-вторых, он представляет собой не простой набор автономных, изолированных друг от друга характеристик, а *агрегатную систему* взаимосвязанных, взаимодополняющих и взаимоограничивающих ментальных элементов. Изменение одной из ментальных характеристик неизбежно вызывает изменение всех остальных.

Особенностью менталитета, так же как и отдельных ментальных характеристик, является их амбивалентность. Ни менталитет социальной группы, этноса или нации, ни его отдельные характеристики изначально не могут быть ни положительными, ни отрицательными. Гармоничными или дисгармоничными, позитивными, конструктивными или деструктивными ментальные характеристики становятся только в процессе социального действия.

В менталитете существуют следующие типы или уровни менталитета: «групповой», «коллективный», «этнический», «национальный». Менталитет нации или этноса не совпадает в полной мере с ментальными характеристиками отдельных половозрастных, социальных категорий и групп населения и в то же время на высшем уровне синтезирует все эти черты в единое целое. Менталитет по своему определению не может быть индивидуальным. Поэтому употребление понятия «индивидуальный менталитет» может рассматриваться только в качестве художественной метафоры. Категория «менталитет» несет в себе научно-практическую ценность именно потому, что она раскрывает механизмы синхронного поведения социальных групп и социальных общностей.

Менталитет конкретного социального образования тяготеет либо к *социоцентризму*, в таком случае система координат выстраивается от первичности и приоритетов социума, коллектива, либо к *эгоцентризму*, в таком случае система координат выстраивается от первичности и приоритетов индивида. Как и любые системы, социоцентричные и эгоцентричные типы менталитета имеют свои сильные, положительные и слабые стороны. Сильной стороной *эгоцентричной* модели менталитета является стремление к личной свободе и независимости, к власти над миром вещей и другими людьми. Слабой стороной эгоцентричного менталитета является проблематичность идентификации индивида с другими людьми, чувство тревоги и одиночества, необходимость в каждой проблемной ситуации принимать собственное, единоличное решение. Сильной стороной *социоцентричной* модели менталитета является чувство «включенности»

в целостную социальную структуру с субординированными социальными ролями, опора на мнение, опыт, поддержку социума, обеспечение достаточно полной идентификации индивида с социальной группой. Слабой стороной социометрического менталитета является возможность ослабления чувства личной ответственности за решения и поступки, возможность «растворения» индивида в группе, утраты, в том числе и добровольной, индивидуальности.

В связи с тем, что основным «хранилищем» менталитета является подсознательный уровень, в периоды устойчивого стабильного развития общества ментальные различия представляются несущественными. В периоды общественного «консенсуса» ментальные различия фиксируются на культурно-бытовых различиях (национальная кухня, одежда, музыка, литература, обычаи, традиции). В периоды общественных кризисов безобидные ментальные различия перерастают в принципиальные, доходящие до антагонистических, национально-этнические противоречия.

Особенность ментальных характеристик заключается в том, что они могут быть описаны только через сравнение, сопоставление с аналогичными характеристиками у других национальностей или социальных групп.

Трудность исследования менталитета заключается в том, что до нынешнего времени не разработаны методики исследования данного феномена. Специфика описания менталитета определяется междисциплинарностью этого феномена. Полифункциональность менталитета определяет необходимость объединения творческих усилий исследователей всего комплекса социально-гуманитарных наук – историков, философов, этно-психологов, лингвистов, культурологов, фольклористов. При этом, «стержнем» менталитета являются его этносоциальные характеристики, а базовыми функциями – социально-деятельные.

2.2. МЕНТАЛЬНЫЙ АВТОПОРТРЕТ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ

Для «расшифровки» как статичности, устойчивости, так и динамичности, подвижности национального менталитета белорусов важно понять, с представителями каких наций и в какой степени они себя самоидентифицируют, а кому и по каким качествам себя противопоставляют. Выбор наций, в сопоставлении с которыми осуществлялась сравнительная оценка ментальных характеристик в проведенном автором исследовании по

репрезентативной выборке (N = 1511 человек), был определен следующим образом.

Во-первых, в качестве сравниваемых выбраны восточнославянские нации, имеющие общие территориальные границы и, в значительной степени, общие историю и культуру: белорусы, русские, украинцы.

Во-вторых, нации, государственные территории которых граничат с Беларусью, вследствие чего оказавшие определенное влияние на формирование менталитета белорусов: поляки и литовцы.

В-третьих, нации, олицетворяющие Запад, ментальные характеристики которых для респондентов находятся на слуху, являются легко узнаваемыми: немцы и американцы.

Самоидентификация белорусов осуществлялась в условиях необходимости сопоставления значимости 20 ментальных характеристик для каждой из перечисленных семи национальностей. Респонденты должны были для каждой национальности определить не более восьми наиболее значимых ментальных качеств из предложенных в анкете характеристик: стремление к личной свободе; трудолюбие; уважение традиций, следование им; точность, аккуратность; коллективизм; индивидуализм; толерантность; патриотизм; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть, сострадание; обязательность, верность слову, принятому решению; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; духовность; законопослушание; предприимчивость, расчетливость; гостеприимство; уважение младшими старших и забота старших о младших; соревновательность, конкуренция; созерцательность, мечтательность; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Результаты анкетного опроса показали, что все двадцать индикаторов – ментальных характеристик – оказались узнаваемыми. При этом величина самой узнаваемой ментальной характеристики отличается от самой туманной менее чем в 2 раза. Этот факт говорит о корректности формулировки индикаторов ментальных характеристик. Вместе с тем, как и предполагалось, «плотность» узнавания ментальных характеристик имеет некоторые различия, что показано в табл. 2.1.

Таблица 2.1

Средневзвешенные оценки ментальных характеристик (в %)

Ментальная характеристика	Средневзвешенная оценка
Стремление к личной свободе, независимости	47,0
Трудолюбие	38,3
Уважение традиций, следование им	40,5
Точность, аккуратность	26,9

Коллективизм	32,2
Индивидуализм	33,3
Толерантность	30,2
Патриотизм	40,8
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	33,1
Обязательность, верность слову, принятому решению	27,9
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителю своей нации	34,0
Духовность	28,2
Законопослушание	32,0
Предприимчивость, расчетливость	32,9
Гостеприимство	36,4
Уважение младшими старших и забота старших о младших	33,0
Соревновательность, конкуренция	30,2
Созерцательность, мечтательность	25,0
Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям	29,9
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	27,6

Одно из предположений рабочей гипотезы социологического исследования заключалось в том, что у различных национальностей одна и та же характеристика будет оценена с различной степенью интенсивности. Исследование подтвердило эту часть рабочей гипотезы. Так, в оценке белорусских респондентов наибольшая «плотность», зафиксирована у следующих ментальных характеристик:

- точность, обязательность, характерных для немцев (84,3 %);
- стремление к личной свободе – у американцев (77,5 %);
- гостеприимство – у белорусов (76,1 %);
- трудолюбие – у белорусов (74,6 %);
- теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость, сострадание – у белорусов (72,7 %);
- толерантность – у белорусов (67,0 %);
- коллективизм – у русских (65,1 %);
- законопослушание – у немцев (65,1 %);
- индивидуализм – у американцев (61,7 %);
- патриотизм – у русских (60,9 %).

На другом полюсе, в качестве минимально присутствующих, белорусы зафиксировали следующие ментальные характеристики:

- точность, аккуратность – у украинцев (6,6 %);
- индивидуализм – у белорусов (14,5 %);
- толерантность – у литовцев (14,9 %);
- коллективизм – у немцев (15,5 %);
- духовность – у американцев (18,8 %);

- уважение младшими старших и забота старших о младших – у американцев (25,3 %);
- чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации – у поляков (26,9 %).

Следует обратить внимание и на значительный «разброс» при оценке одних и тех же ментальных характеристик у представителей различных национальностей. Например, точность, аккуратность у немцев, в представлении белорусов, выше, чем у украинцев в 12,6 раза; коллективизм у русских выше, чем у литовцев в 4,2 раза; индивидуализм у американцев выше, чем у белорусов в 4,3 раза; стремление к личной свободе, независимости у белорусов оказалось в 2,6 раза ниже, чем у американцев.

Следует подчеркнуть, что в исследовании зафиксирован незначительный эффект *нарциссизма*: завышение белорусскими респондентами уровня собственных положительных ментальных характеристик. Так, «самыми лучшими» белорусы оказались по следующим качествам: трудолюбию; толерантности; теплоте и сердечности в отношениях между людьми, совестливости и состраданию; гостеприимству. Вторые позиции у белорусов зафиксированы по проявлению коллективизма и духовности.

Особенности «узнавания» белорусскими респондентами собственных ментальных характеристик и ментальных характеристик представителей других национальностей приведены в табл. 2.2.

Таблица 2.2

Приведенные оценки ментальных характеристик белорусскими респондентами

Национальность	% от числа опрошенных	Рейтинг
Белорусы	39,4	1
Русские	36,4	2
Немцы	36,1	3
Американцы	35,2	4
Литовцы	28,8	5
Украинцы	27,8	6
Поляки	27,1	7

Как и следовало ожидать, самое «прорисованное» лицо оказалось у белорусов. Достаточно хорошо белорусские респонденты очертили национальные ментальные портреты русских, немцев, американцев. Более «туманные» лица оказались у литовцев, украинцев и поляков.

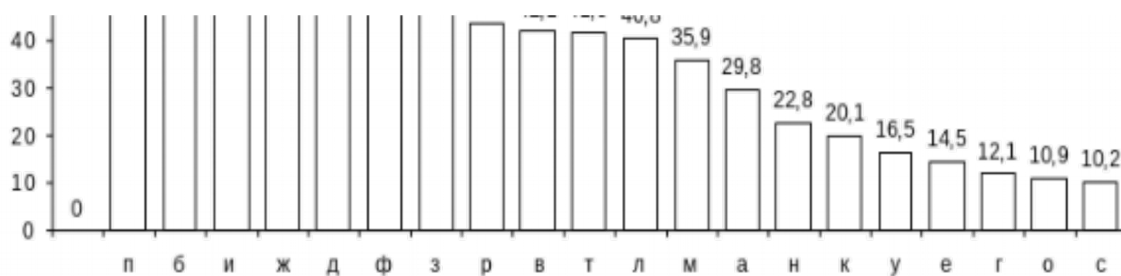
Более полный анализ совпадения и различия в оценках белорусскими респондентами собственных ментальных характеристик и оценок их белорусами у других национальностей будет сделан в главах «Социокультурные аспекты интеграционных процессов в белорусско-российско-украинском приграничье» и

«Менталитет современных белорусов и самоопределение Беларуси на культурно-цивилизационной оси «Восток – Запад». Здесь же подчеркнем, что белорусские респонденты зафиксировали практически полное совпадение уровня собственных ментальных характеристик с их уровнем у своих восточнославянских соседей – русских и украинцев. И, наоборот, в большинстве случаев, уровень белорусских самооценок не совпадает с уровнем оценок этих же характеристик у западных соседей.

Количественное определение собственных ментальных характеристик и определение белорусскими респондентами этих же характеристик у представителей других национальностей позволило построить модель белорусского ментального автопортрета (белорусы о белорусах) и модели ментальных портретов русского, украинца, поляка, литовца, немца и американца (белорусы о русских, украинцах, поляках, литовцах, немцах и американцах).

По степени выраженности ментальные характеристики разделены на три группы. Ментальные характеристики, на присутствие которых указало более 50 % опрошенных респондентов, отнесены к доминирующим, характеристики, на которые указало от 25 % до 50 % респондентов, определены как *умеренно присутствующие*, а ментальные характеристики, на которые указало менее 25 респондентов, отнесены к *слабо присутствующим*.

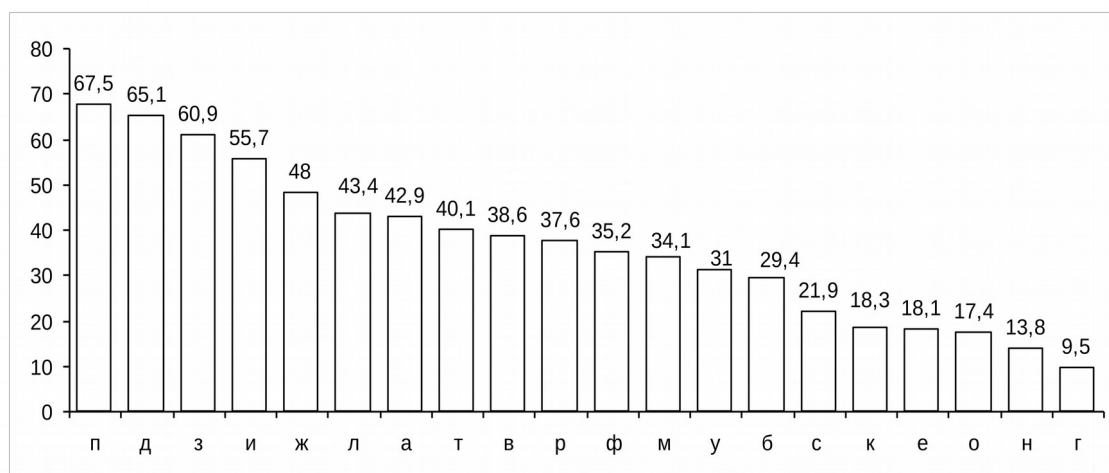
Итак, национальный автопортрет белорусов (рис. 2.1) определяется, в первую очередь, следующими *доминирующими* характеристиками: гостеприимством; трудолюбием; теплотой и сердечностью в отношениях между людьми, совестью и состраданием; толерантностью; коллективизмом. *Умеренно присутствующими* в национальном автопортрете белорусов определены: стремление к медленным, постепенным общественным изменениям; патриотизм; уважение младшими старших и забота старших о младших; уважение традиций, следование им; созерцательность, мечтательность; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; духовность. И, наконец, в качестве *слабоприсутствующих* белорусские респонденты в автопортрете зафиксировали: стремление к личной свободе, независимости; законопослушание; обязательность, верность слову, принятому решению; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; точность, аккуратность; предприимчивость, расчетливость; соревновательность, конкуренция.

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.1. Ментальный автопортрет белоруса (белорусы о белорусах), %

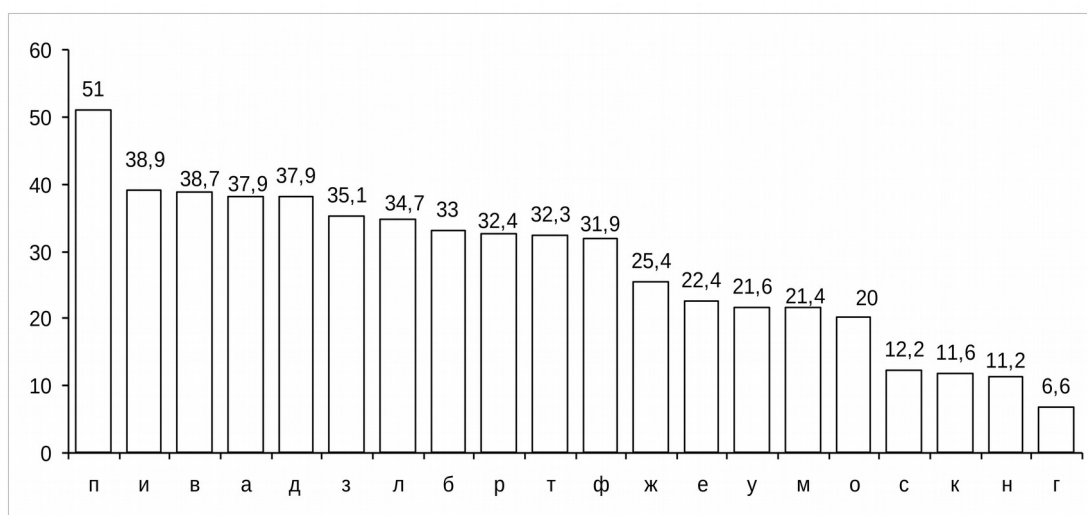
У русских (рис. 2.2) в качестве доминирующих белорусские респонденты выделили такие ментальные характеристики, как гостеприимство; коллективизм; патриотизм; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; толерантность. В качестве умеренно присутствующих в ментальном портрете русских белорусские респонденты определили: толерантность; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; стремление к личной свободе, независимости; созерцательность, мечтательность; уважение традиций, следование им; уважение младшими старших и забота старших о младших; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям; духовность; стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе; трудолюбие. Менее всего русские, в представлении белорусов, обладают: точностью, аккуратностью; законопослушанием; предприимчивостью, расчетливостью; индивидуализмом; обязательностью, верностью слову, принятому решению; соревновательностью, конкуренцией.

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.2. Ментальный портрет русских в представлении белорусов, %

Ментальные характеристики украинцев (рис. 2.3) белорусские респонденты расставили в следующей последовательности. В качестве *доминирующей* в украинском ментальном портрете определена только одна характеристика – гостеприимство. К *умеренно присутствующим* характеристикам у украинцев белорусские респонденты отнесли: теплоту и сердечность в отношениях между людьми; совестливость и сострадание; уважение традиций, следование им; стремление к личной свободе, независимости; коллективизм; патриотизм; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям нации; трудолюбие; уважение младшими старших и забота старших о младших; созерцательность, мечтательность; стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе; толерантность.

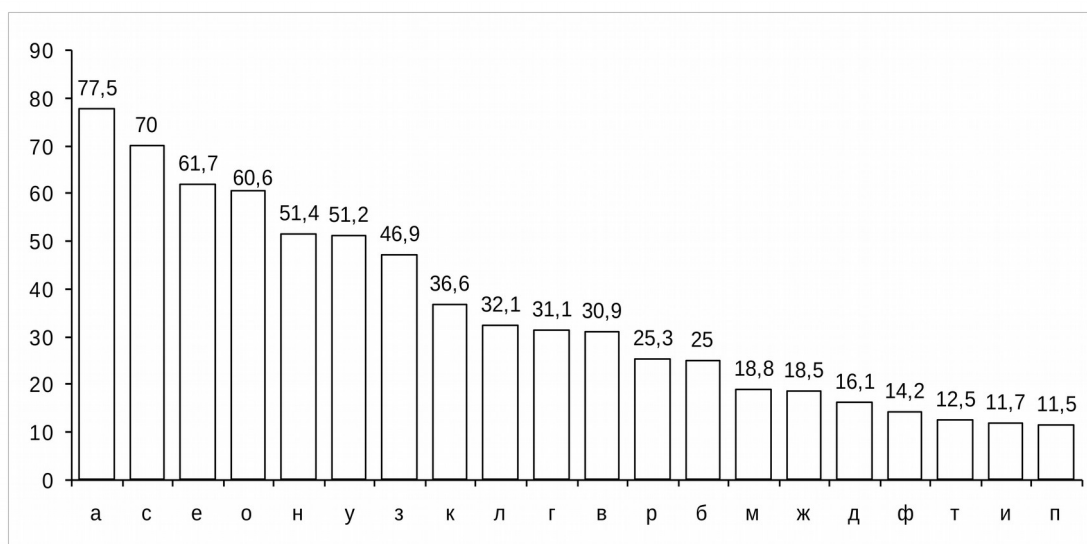

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.3. Ментальный портрет украинцев в представлении белорусов, %

С точки зрения белорусов, у украинцев *менее других* выражены: индивидуализм; стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе; духовность; предприимчивость, расчетливость; точность, аккуратность; законопослушание; обязательность, верность слову, принятому решению; соревновательность, конкурентность.

Национальный портрет американца (рис. 2.4) белорусские респонденты «выстроили» следующим образом. В качестве *доминирующих* названы следующие национальные характеристики: стремление к личной свободе, независимости; соревновательность, конкуренция; индивидуализм; предприимчивость, расчетливость; законопослушание; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям.

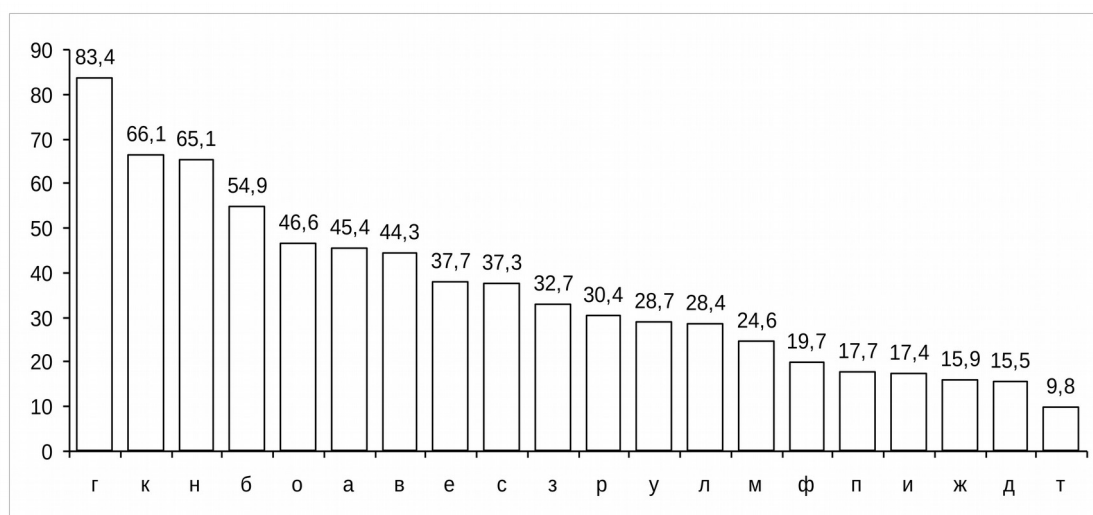

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.4. Ментальный портрет американцев в представлении белорусов, %

В качестве *средневыраженных* национальных американских характеристик белорусы назвали: патриотизм; обязательность, верность слову, принятому решению; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; точность, аккуратность; уважение младшими старших и забота старших о младших; трудолюбие. Самыми незначительными в национальном характере у американцев определены: духовность; толерантность; коллективизм; гостеприимство; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; созерцательность, мечтательность; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Доминирующими характеристиками в ментальном портрете немцев (рис. 2.5) белорусы зафиксировали следующие: точность, аккуратность; обязательность, верность слову, принятому решению; законопослушание; трудолюбие.

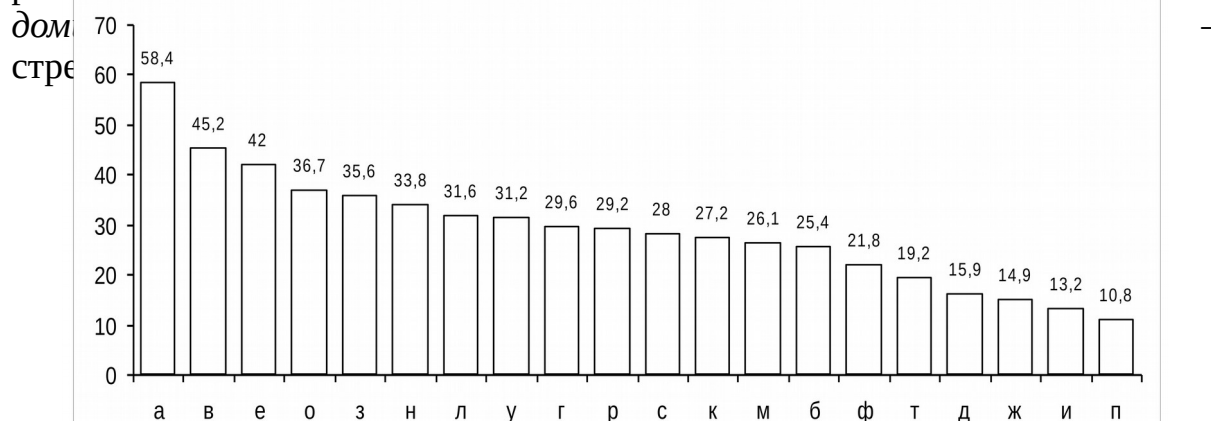

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.5. Ментальный портрет немцев в представлении белорусов, %

К *среднезначимым* ментальным характеристикам немцев белорусскими респондентами отнесены: предприимчивость, расчетливость; стремление к личной свободе, независимости; уважение традиций, следование им; индивидуализм; соревновательность, конкуренция; патриотизм; уважение младшими старших и забота старших о младших. В *наименьшей степени* ментальный портрет немцев определяют следующие ментальные характеристики: чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; духовность; стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе; гостеприимство; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; толерантность; коллективизм; созерцательность, мечтательность.

Портрет северо-западных соседей – литовцев белорусские респонденты смоделировали следующим образом. На рис. 2.6 в качестве

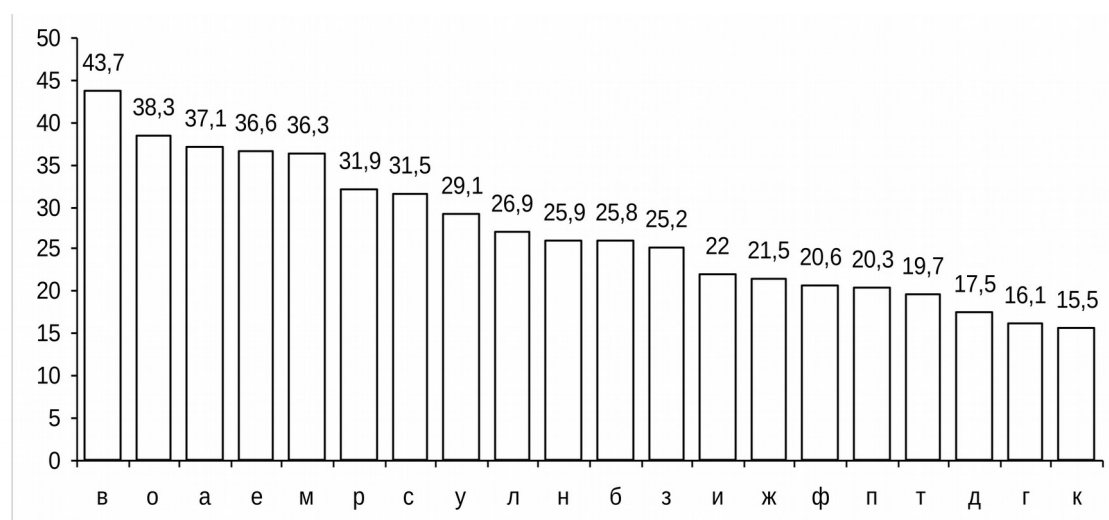

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.6. Ментальный портрет литовцев в представлении белорусов, %

К *средневыраженным* национальным характеристикам литовцев отнесены: уважение традиций, следование им; индивидуализм; предприимчивость, расчетливость; патриотизм; законопослушание; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям. *Менее других* в оценке белорусских респондентов у литовцев выражены такие ментальные характеристики, как гостеприимство; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; толерантность; созерцательность, мечтательность.

На рис. 2.7 видно, что труднее других белорусскими респондентами выявлялся национальный портрет поляков.

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.7. Ментальный портрет поляков в представлении белорусов, %

Ярко выраженных, *доминирующих* национальных черт у поляков белорусские респонденты не обнаружили. В качестве *умеренно присутствующих* названы такие ментальные характеристики, как уважение традиций, следование им; предприимчивость, расчетливость; стремление к личной свободе и независимости; индивидуализм; духовность; уважение младшими старших и забота старших о младших; патриотизм; трудолюбие; законопослушание; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе. Остальные восемь польских ментальных характеристик белорусы определили как слабовыраженные.

Для самоидентификации важно понимать, по каким ментальным характеристикам белорусские респонденты ощущают себя такими же, как другие, по каким – лучше, а по каким – хуже других. На основании оценок белорусскими респондентами собственных ментальных характеристик, а также оценок белорусами ментальных характеристик у других национальностей в табл. 2.3 построены рейтинговые ряды присутствия ментальных характеристик у представителей каждой из семи национальностей.

Таблица 2.3

Рейтинговые ряды ментальных характеристик

Ментальная характеристика	Белорусы	Русские	Украинцы	Американцы	Немцы	Поляки	Литовцы
Гостеприимство	1	1	1	20	16	16	20
Трудолюбие	2	14	8	13	4	11	14
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание	3	4	2	19	17	13	19
Толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям)	4	5	12	15	18	14	18
Коллективизм (один за всех и все за одного)	5	2	5	16	19	18	17
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	6	11	11	17	15	15	15
Патриотизм	7	3	6	7	10	12	5
Уважение младшими старших и забота старших о младших	8	10	9	12	11	6	10
Уважение традиций, следование им	9	9	3	11	7	1	2
Созерцательность, мечтательность	10	8	10	18	20	17	16
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	11	6	7	9	13	9	7
Духовность (преобладание духовных	12	12	15	14	14	5	13

ценностей над материальными)							
------------------------------	--	--	--	--	--	--	--

Окончание табл. 2.3

Ментальная характеристика	Белорусы	Русские	Украинцы	Американцы	Немцы	Поляки	Литовцы
Стремление к личной свободе, независимости	13	7	4	1	6	3	1
Законопослушание	14	19	19	5	3	10	6
Обязательность, верность слову, принятому решению	15	16	18	8	2	20	12
Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям	16	13	14	6	12	8	8
Индивидуализм	17	17	13	3	8	4	3
Точность, аккуратность	18	20	20	10	1	19	9
Предприимчивость, расчетливость	19	18	16	4	5	2	4
Соревновательность, конкуренция	20	15	17	2	9	7	11

В зависимости от результатов сопоставления собственных ментальных характеристик с оценками этих же характеристик у других национальностей у белорусов сформированы зоны *стабильности*, *комфорта* и *дискомфорта*. *Зона комфорта* создается там, где ощущение собственных ментальных характеристик отличается от их оценок у других национальностей в лучшую сторону. *Зона стабильности* располагается там, где ментальные характеристики белорусов качественно не отличаются от аналогичных характеристик у сравниваемых наций. *Зона дискомфорта* будет находиться там, где оценки собственных ментальных характеристик уступают таким же характеристикам у других национальностей. Существенными элементами для возникновения у респондентов ощущения «комфорта», «стабильности» или «дискомфорта» будут степени совпадения оценок собственных ментальных характеристик с их нормативным (идеальным) уровнем. Программа социологического исследования включает в себя такую возможность. В процессе анкетирования респонденты определили каждую из двадцати ментальных характеристик либо как положительную, либо как отрицательную, либо как нейтральную. Результаты оценок белорусскими респондентами нормативного (идеального) уровня ментальных характеристик представлены в табл. 2.4.

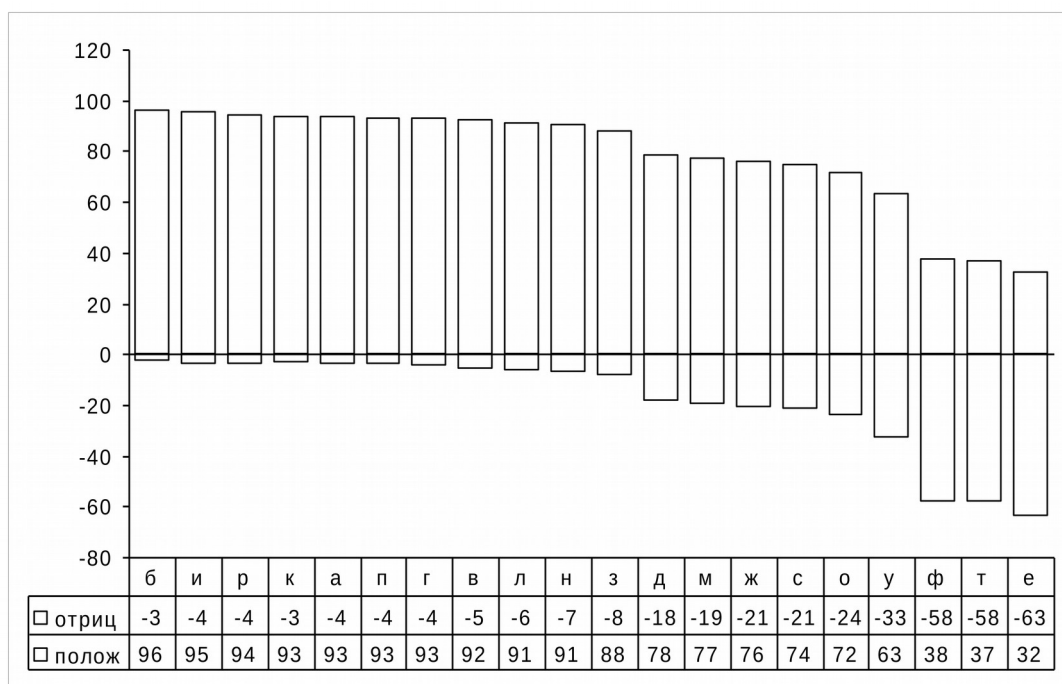
Отметим, что при оценке предложенных ментальных характеристик белорусские респонденты, в первую очередь, пользовались знаком + (положительная оценка), во вторую очередь, знаком – (отрицательная оценка), знаком 0 (нейтральная оценка). Средняя плотность положительных оценок составляет 78,3 %; средняя плотность отрицательных оценок – 18,3 %; средняя плотность нейтральных оценок равняется 3,4 %.

Таблица 2.4

**Нормативные (идеальные) оценки ментальных характеристик
с точки зрения белорусских респондентов**

Рей- тинг	Личностная характеристика	Положи- тельные (+)	Нейтраль- ные (0)	Отрица- тельные (-)
1	Трудолюбие	95,9	1,5	2,6
2	Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание	95,1	1,4	3,5
3	Уважение младшими старших и забота старших о младших	94,2	2,3	3,5
4	Стремление к личной свободе, независимости	93,4	2,8	3,8
5	Обязательность, верность слову, принятому решению	93,2	3,6	3,2
6	Точность, аккуратность	92,9	2,8	4,3
7	Гостеприимство	92,7	3,3	3,9
8	Уважение традиций, следование им	92,2	2,5	5,3
9	Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	90,8	3,1	6,1
10	Законопослушание	90,5	3,0	6,5
11	Патриотизм	87,7	4,0	8,2
12	Коллективизм	78,1	3,9	18,0
13	Духовность	77,1	3,7	19,2
14	Толерантность	76,1	3,5	20,5
15	Соревновательность, конкуренция	74,3	4,3	21,4
16	Предприимчивость, расчетливость	71,5	4,4	24,1
17	Стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе	63,4	3,8	32,8
18	Стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе	37,5	4,5	57,9
19	Созерцательность, мечтательность	36,9	5,0	58,1
20	Индивидуализм	32,2	4,4	63,4

Как и предполагалось, в рабочей гипотезе исследования распределение положительных, отрицательных и нейтральных оценок в каждой из двадцати ментальных характеристик оказалось различным. В качестве самой положительной ментальной характеристики опрошенные белорусы зафиксировали «трудолюбие», которое отметили 95,9 % респондентов, а самой отрицательной – «индивидуализм», так полагают 63,4 % опрошенных. Ранжирование ментальных характеристик в их идеальных, с точки зрения респондентов, пропорциях позволило построить на рис. 2.8 нормативный (идеальный) ментальный портрет.

- а – стремление к личной свободе, независимости;
 б – трудолюбие;
 в – уважение традиций, следование им;
 г – точность, аккуратность;
 д – коллективизм (один за всех и все за одного);
 е – индивидуализм;
 ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
 з – патриотизм;
 и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание;
 к – обязательность, верность слову, принятому решению;
 л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
 м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
 н – законопослушание;
 о – предприимчивость, расчетливость;
 п – гостеприимство;
 р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
 с – соревновательность, конкуренция;
 т – созерцательность, мечтательность;
 у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
 ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.8. Модель нормативного ментального портрета идеальной нации в представлении респондентов-белорусов, %

Графическое изображение нормативного ментального портрета идеальной нации, в представлении белорусов, наглядно демонстрирует существенно различающиеся оценки желательных (нормативных) ментальных характеристик. В соответствии с нормативными оценками ментальные характеристики разделены на 4 группы:

- 1) безусловно положительные;
- 2) умеренно положительные;
- 3) нейтральные;
- 4) отрицательные.

К *безусловно положительным* отнесены личностные характеристики, положительная оценка которых превысила 90 %, а отрицательная составила менее 10 %. К таковым отнесены:

- трудолюбие. Приведенная положительная оценка этой ментальной характеристики составила 93,3 %;
- теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание (91,6 %);
- уважение младшими старших и забота старших о младших (90,7 %);
- обязательность, верность слову, принятому решению (90,0 %);
- точность, аккуратность (88,6 %);
- стремление к личной свободе, независимости (89,6 %);
- гостеприимство (88,8 %).

К *умеренно положительным* отнесены ментальные характеристики, которые не менее 70 % респондентов оценили как положительные и не более 25 % – как отрицательные. К ним отнесены:

- уважение традиций, следование им. Приведенная оценка 86,9 %;
- чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации (84,7 %);
- законопослушание (84,0 %);
- патриотизм (79,5 %);
- коллективизм (60,1 %);
- духовность (57,9 %);
- толерантность (55,6 %);
- соревновательность, конкуренция (52,9 %);
- предприимчивость, расчетливость (47,4 %).

К *нейтральным* отнесены ментальные характеристики, которые менее 70 % респондентов оценили как положительные, при этом уровень отрицательных оценок не превысил уровень положительных. Нейтральной ментальной характеристикой, в представлении белорусских респондентов, является стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе, приведенная оценка которого составила 30,6 %.

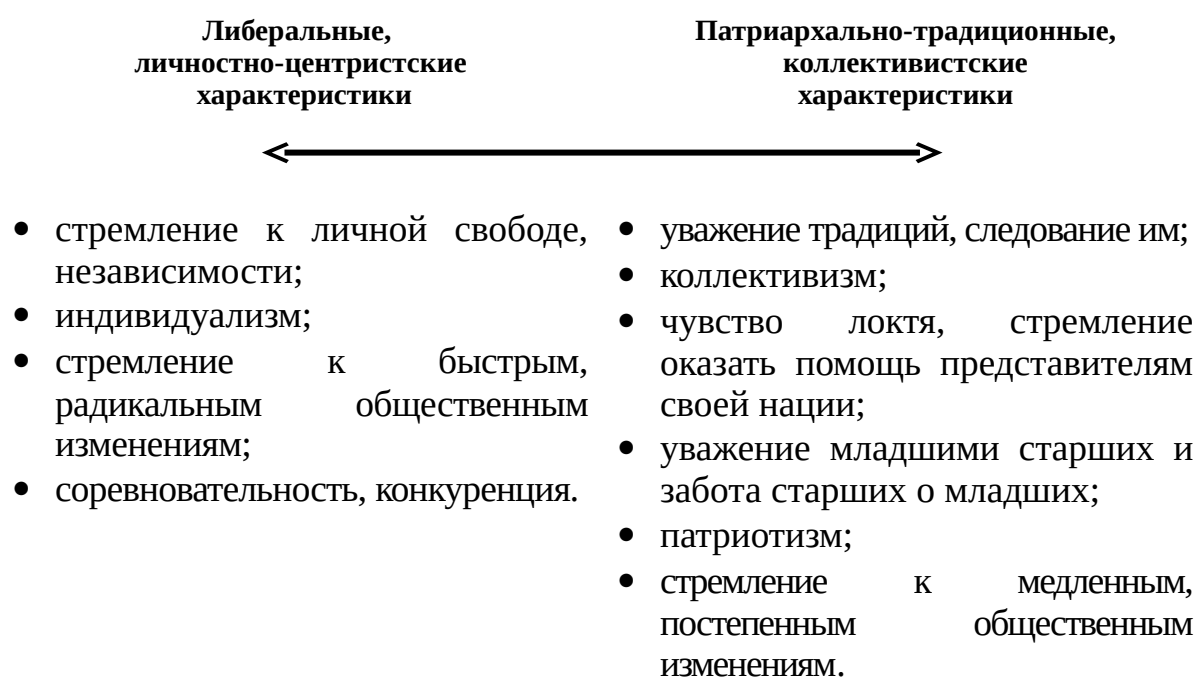
К *отрицательным* отнесены те ментальные характеристики, отрицательные оценки которых оказались выше положительных. К ним белорусские респонденты отнесли:

- созерцательность, мечтательность. (Приведенная отрицательная оценка – 21,2 %);
- стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе (– 20,4 %);
- индивидуализм (– 31,2 %).

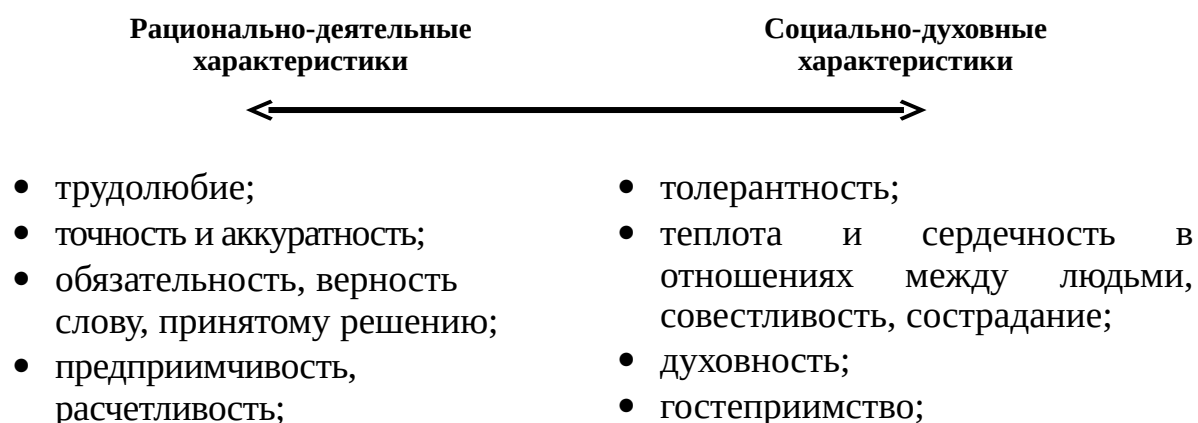
В целях получения систематизированного ментального портрета, состоящего из смысло- и целеобразующих сегментов, ментальные характеристики были сгруппированы в сегменты по следующим признакам:

а) особенностям взаимодействия индивида и общества; б) доминированию рационально-деятельных или социально-духовных, смысло- и целеобразующих индикаторов человеческого бытия. Для этой цели все ментальные характеристики были распределены на двух дихотомических осях.

На первой дихотомической оси были распределены ментальные характеристики, подлежащие дифференциации по особенностям взаимодействия индивида и общества.

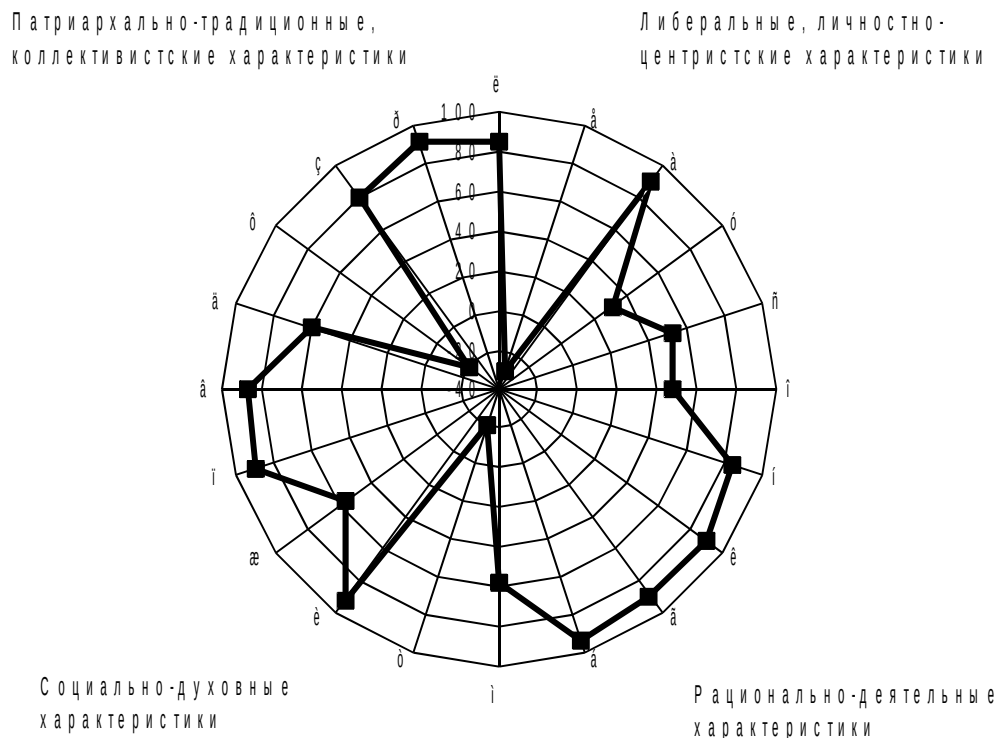
На второй дихотомической оси размещены ментальные характеристики по доминированию в них рационально-деятельных или социально-духовных начал.

- законопослушание.

- созерцательность, мечтательность.

Наложив количественные нормативные (идеальные) оценки ментальных характеристик на указанное выше распределение, мы на рис. 2.9 получили модель сегментированного нормативного (идеального) ментального портрета в представлении современных белорусусов.

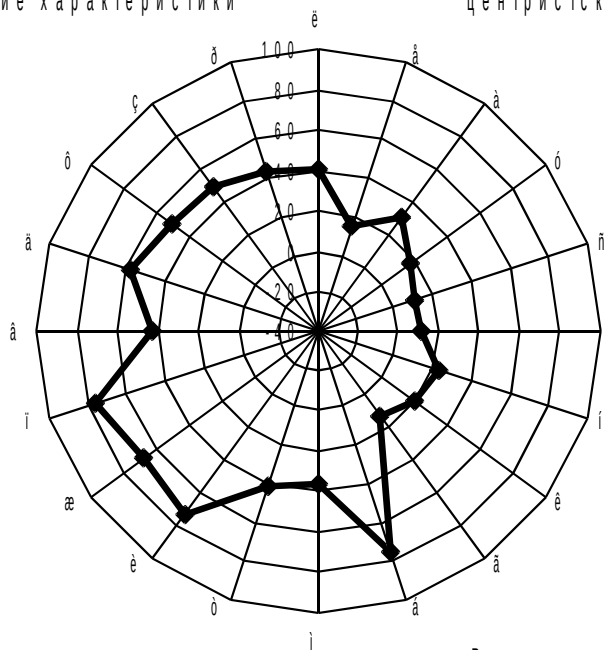
- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.9. Сегментированная нормативная (идеальная) модель ментального портрета в представлении белорусусов

Количественные самооценки собственных ментальных характеристик, распределенные по смысло- и целеобразующим сегментам, образовали ментальную модель белорусского автопортрета, что видно на рис. 2.10.

Патриархально-традиционные,
коллективистские характеристики

Либеральные, лично-
центристские характеристики

Социально-духовные
характеристики

Рационально-деятельные
характеристики

- а – стремление к личной свободе, независимости;
- б – трудолюбие;
- в – уважение традиций, следование им;
- г – точность, аккуратность;
- д – коллективизм (один за всех и все за одного);
- е – индивидуализм;
- ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з – патриотизм;
- и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание;
- к – обязательность, верность слову, принятому решению;
- л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
- н – законопослушание;
- о – предприимчивость, расчетливость;
- п – гостеприимство;
- р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
- с – соревновательность, конкуренция;
- т – созерцательность, мечтательность;
- у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
- ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.10. Сегментированная модель ментального автопортрета белорусов

В программе исследования предполагалось, что главный вектор напряжения, побуждающий белорусов изменять архитектуру ментального автопортрета, будет располагаться в разрыве между самооценками уровня собственных ментальных характеристик и представлении об их идеальном (нормативном) значении. Наложение собственных оценок ментальных характеристик на их нормативный (идеальный) уровень, в представлении белорусов, позволило построить динамическую модель ментального портрета современных белорусов (рис. 2.11).

По уровню совпадения нормативных (идеальных) ментальных характеристик и их самооценок характеристики разделены на три группы.

Первая «*группа комфорта*» сформирована из характеристик, нормативная оценка которых совпадает или приближается к собственной самооценке. Таковыми, с точки зрения белорусов, являются:

- коллективизм. При оценке данной характеристики респонденты показали, что уровень собственной ментальной характеристики только на 2,5 % не «дотягивает» до нормативного уровня;
- гостеприимство (12,7 %);
- стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе (14,1 %);
- трудолюбие (18,7 %);
- теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание (18,9 %);
- духовность (22,0 %).

Особо белорусские респонденты оценили такую ментальную характеристику, как «толерантность». В данном случае респонденты зафиксировали ее превышение в автопортрете на 11,4 % над нормативным уровнем.

«*Группу напряжения*» составляют характеристики, самооощение которых существенно превышает их нормативный, желательный уровень. В эту группу вошли:

- стремление к медленным, постепенным общественным изменениям. «Плотность» самооощения данной ментальной характеристики превышает нормативный уровень на 70,2 %;
- созерцательность, мечтательность, избыточность которой составляет 62,8 %;
- индивидуализм (45,7 %).

Существенное превышение оценки реального обладания над нормативным уровнем побуждает белорусов искать способы избавления либо существенного уменьшения входящих в группу напряжения ментальных характеристик.

а – стремление к личной свободе, независимости;
б – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им;
г – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного);
е – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм;
и – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание;
к – обязательность, верность слову, принятому решению;
л – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
м – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными);
н – законопослушание;
о – предприимчивость, расчетливость;
п – гостеприимство;
р – уважение младшими старших и забота старших о младших;
с – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность;
у – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям;
ф – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Рис. 2.11. Динамическая модель менталитета современных белорусов

«Группу дискомфорта» составляют ментальные характеристики, по которым белорусские респонденты ощущают существенное отставание от их нормативного уровня. Данная группа состоит из следующих характеристик:

- точность, аккуратность. В оценке этой характеристики респонденты ощущают максимальный дискомфорт. Самоощущение точности, аккуратности у белорусских респондентов на 76,5 % ниже его нормативной (идеальной) оценки;
- обязательность, верность слову, принятому решению (69,9 %);
- законопослушание (61,2 %);
- стремление к личной свободе, независимости (59,8 %);
- уважение младшими старших и забота старших о младших (46,8 %);
- уважение традиций, следование им (44,8 %);
- чувство локтя, стремление помочь представителям своей национальности (43,9 %);
- соревновательность, конкуренция (42,7 %);
- предприимчивость, расчетливость (36,5 %).

Третья, самая многочисленная, группа *дискомфорта* является определяющей в расшифровке механики изменения архитектуры ментального портрета белорусов. Ощущение необходимости изменения перечисленных характеристик и будет являться основным двигателем в модернизации архитектуры ментального портрета белорусов. Подчеркнем, что 4 из 9 ментальных характеристик, подлежащих изменению в сторону увеличения (точность и аккуратность; обязательность, верность слову, принятому решению; предприимчивость и расчетливость; законопослушание), относятся к блоку рационально-деятельных. Две ментальных характеристики – стремление к личной свободе, независимости; соревновательность, конкуренция – к блоку либеральных, личностно-центристских, а три характеристики (уважение традиций, следование им; уважение младшими старших и забота старших о младших; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей национальности) – относятся к блоку патриархально-традиционных.

Поливекторность стремления в изменении ментальных характеристик показывает, что белорусы хотели бы стать более рациональными не за счет уменьшения своих социально-духовных качеств, а при их расширении.

Одна из систем координат определения модуля и направления в изменении архитектуры ментального портрета белорусов располагается в сопоставлении самооценок собственных ментальных характеристик с оценками этих же ментальных характеристик у представителей других национальностей (табл. 2.5).

Таблица 2.5

**Удельный вес блоков ментальных характеристик
в автопортретах белорусов, русских, украинцев, поляков, %**

Блоки ментальных характеристик	Идеальный портрет белоруса	Белорусы	Русские	Украинцы	Поляки
Либеральные, лично-центристские	37,9	16,4	32,2	30,8	32,1
Рационально-деятельные	89,0	32,4	20,8	18,3	15,0
Социально-духовные	54,5	58,7	60,9	62,3	45,2
Патриархально-традиционные, коллективистские	63,6	47,2	47,1	33,1	44,9

Приведенные в таблице данные говорят о том, что самое комфортное состояние белорусские респонденты ощущают при оценке *социально-духовных* характеристик. Причем, чувство комфорта у белорусов зафиксировано сразу по двум системам координат. Во-первых, белорусские самооценки собственных социально-духовных характеристик совпадают с их оценками русскими, украинцами и поляками. Во-вторых, в исследовании зафиксировано достаточно полное совпадение самооценок белорусов социально-духовных характеристик с их нормативным (идеальным) уровнем. Значительное напряжение зафиксировано при оценке белорусами ментальных характеристик *патриархально-традиционного, коллективистского* блока. Здесь, как и в оценке социально-духовных характеристик, зафиксировано практически полное совпадение белорусских самооценок с самооценками русских и украинских респондентов. Но в отличие от первого случая, уровень самооценок патриархально-традиционных, коллективистских характеристик оказался ниже нормативного (идеального) уровня. Индекс напряженности по патриархально-традиционному, коллективистскому блоку характеристик равняется 1,3. Данный уровень напряженности позволяет сделать вывод о том, что «развертывание» этих характеристик будет осуществляться, скорее всего, в условиях относительного комфорта.

Существенно иная картина зафиксирована при оценке блока *рационально-деятельных* характеристик. Уровень рационально-деятельных характеристик в самооценке белорусов существенно превышает уровень самооценок этих же характеристик у русских, украинцев и поляков. Но, при этом, собственный уровень самооценок блока рационально-деятельных характеристик оказался почти в 3 раза ниже нормативного. Степень напряженности между нормативным уровнем и уровнем самооценок рационально-деятельных характеристик выражается индексом 2,7. Правомерно предположить, что разрыв между самооценками и нормативными оценками ментальных характеристик именно этого блока и

будет определять основную линию напряжения в модификации агрегата ментальных характеристик белорусов, точно также и русских, и украинцев, и поляков.

Иная модель напряженности зафиксирована при оценке белорусами *либеральных, личностно-центристских* характеристик. Как и в предыдущем случае, белорусы зафиксировали неудовлетворенность собственным уровнем либеральных, личностно-центристских характеристик (индекс напряженности составил 2,3). Но в отличие от блока рационально-деятельных характеристик, по которым у белорусов не существует чувства дискомфорта в сравнении со своими соседями, при оценке либерально-личностных характеристик белорусы «отстают» от нормативных оценок этих характеристик русскими, украинцами и поляками.

Таким образом, рассмотренный материал по определению белорусского ментального автопортрета, его нормативного (идеального) уровня, оценок белорусами ментальных характеристик у других национальностей и сопоставлению собственных самооценок с оценками у других национальностей позволяет сделать следующие выводы:

- основные контуры ментального автопортрета современных белорусов определяют следующие социально-духовные и патриархально-традиционные, коллективистские характеристики: гостеприимство; трудолюбие; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание; толерантность; коллективизм; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям; патриотизм; уважение младшими старших и забота старших о младших; уважение традиций, следование им. Во вторую очередь, ментальный автопортрет белорусов определяется рационально-деятельными характеристиками и в минимальной степени – либеральными, личностно-центристскими;
- по абсолютному большинству ментальных характеристик белорусские собственные оценки и оценки белорусами ментальных характеристик у своих соседей – русских и украинцев – совпадают. И, наоборот, по большинству ментальных характеристик собственные оценки белорусов не совпадают с их оценками у западных соседей – поляков, а также у немцев и американцев;
- нормативный (идеальный) портрет, в представлении белорусов, определяется, в первую очередь, рационально-деятельными, во-вторую, – патриархально-традиционными, коллективистскими, в третью, – социально-духовными и в последнюю очередь – либеральными, личностно-центристскими характеристиками;

- самоощущение *социально-духовных* характеристик, сопоставление их и с нормативным уровнем, и с самооценками их русскими, украинцами, поляками создает у белорусов чувство комфорта; умеренное чувство комфорта присутствует при оценке белорусами своих *патриархально-традиционных, коллективистских* характеристик. Основной вектор напряженности у белорусов располагается в разрыве между нормативными оценками и самооценками *рационально-деятельных и либеральных, лично-центрист-ских* характеристик. Внутренняя напряженность между самоощущением этих ментальных характеристик и ощущением их нормативного уровня является основным двигателем, основным механизмом изменения архитектуры ментального портрета современных белорусов;
- поскольку менталитет представляет собой сложную агрегатную систему взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимозависимых ментальных характеристик, изменение любой из них вызывает изменение всех остальных. Зафиксированная белорусскими респондентами разнонаправленная динамика в достижении оптимальной величины каждой из характеристик не позволит реализовать их в идеальном для респондентов варианте, т. к. развитие, увеличение одних ментальных характеристик с неизбежностью будет предопределять свертывание других, в связи с чем белорусы будут находиться в состоянии постоянного напряженного выбора.

2.3. КОЛЛЕКТИВИСТСКИЕ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ

Одним из важнейших элементов, определяющих национальный менталитет, является соотношение в нем коллективистского и индивидуалистического компонентов. В соответствии с установившейся традицией именно по доминированию индивидуалистического или коллективистского компонентов культура делится на западную и восточную.

Трудность расшифровки механизмов взаимодействия индивидуалистического и коллективистского компонентов заключается в

недостаточной методологической разработке взаимоотношения *индивида, личности, группы и коллектива*. В североамериканской социологии достаточно полно разработаны методологические принципы взаимоотношения и взаимодействия категорий «индивид» и «группа». Как правило, сущность индивида проявляется в его независимости от группы и организации, в которые он входит ситуативно, только для достижения совершенно конкретной цели. «Основные ценности индивидуалистической культуры – свобода в поступках и самодостаточность в суждениях, власть над окружающими позволяют индивиду комфортно себя чувствовать в любом окружении или в одиночестве, отличаться от других и быть независимым» [38, с. 183]. Индивиду нет необходимости разделять и даже знать все ценности группы. Он знает и разделяет только те ценности группы, которые обеспечивают реализацию его индивидуальных интересов. В свою очередь, группа не знает и не имеет права знать ценности индивида, не касающиеся целей, ради которых группа сформирована. Индивид входит в достаточно большое количество групп, но поверхностно, исключительно при помощи рационально-деятельных механизмов взаимодействия. Эмоционально-психологические механизмы взаимосвязи индивидов в группе не предполагаются. Независимость индивида от группы является нормой. Непроизводственная, личная, частная жизнь индивидов является закрытой. Проявление симпатии, антипатии, сострадания к себе или другим членам группы является нарушением нормы. В условиях индивидуалистической культуры основной нормой справедливости при определении вознаграждения является индивидуальный вклад члена группы в совместно полученный результат. Не поощряется одалживание денег или вещей членами группы. Внутригрупповой конфликт является нормой, должным способом его разрешения считаются как переговоры членов группы друг с другом, так и обращение в судебные инстанции. «Основной смысл индивидуализма заключается в том, что человек принимает решение и действует в соответствии со своими личными целями, предпочитая их целям общественным. «Я» определяется в индивидуалистических культурах как независимая, способная выжить вне группы единица, а индивиды – как базовые единицы социального восприятия. Индивидуалисты являются членами многих групп, но – за исключением нуклеарной семьи – слабо с ними идентифицируются и мало от них зависят» [38, с. 182].

Взаимодействие *личности и коллектива* принципиально отличается от взаимодействия *индивида и группы* в силу того, что *личность*, будучи сложным социальным образованием, включена в *коллектив* более сложными, не только социально-экономическими, но и социально-психологическими механизмами. *Коллектив* отличается от *группы* так же, как *личность* отличается от *индивида* своей сложной социальной

структурой. *Коллективисты*, в отличие от *индивидуалистов*, входят в меньшее количество социальных образований, но более полно. «Основной смысл коллективизма – приоритет интересов группы над личными интересами: коллективист заботится о влиянии своих решений и действий на значимое для него сообщество... Основными ценностями коллективистской культуры являются следование традициям, послушание, чувство долга, которые способствуют сохранению единства группы, взаимозависимости ее членов и гармоничным отношениям между ними... При распределении материальных ресурсов преобладают нормы равенства и удовлетворения потребностей» [38, с. 183-184]. Личная жизнь коллективистов в значительной степени является составной частью жизни коллектива. Оказание помощи членам коллектива в решении их как производственных, так и непроизводственных проблем, сострадание, соучастие являются нормой. В отличие от социальной группы, где конфликт является нормальным способом разрешения противоречий между ее членами, в коллективе конфликт является индикатором нарушения нормальных отношений. Поэтому члены коллектива обязаны соблюдать формы бесконфликтного состояния. Этой цели подчинены и нормы справедливости, обеспечивающие социальное равенство.

Соотношение коллективистских и индивидуально-личностных компонент в различных национально-этнических культурах существенно различается. К примеру, в североамериканской системе ценностей нравственно-психологическая значимость индивидуально-личностной компоненты носит откровенно положительную, а коллективистская компонента – откровенно отрицательную нагрузку. Для американской индивидуалистической культуры характерно четкое выделение личности как самоценности, по отношению к которой общество в целом и каждая социальная группа в отдельности носят производный характер. Североамериканская модель базируется на культе личной свободы и независимости, *культе индивидуализма*, что предопределяет естественное подавление любых поползновений государства, всех его социальных институтов к ограничению суверенитета личности. Взаимоотношения индивидов друг с другом представляются как «индивидуально-соревновательные», в которых индивидуальный успех, победа являются естественной и, пожалуй, единственной целью. Пребывание индивида в группе, поддержка каких-то общих интересов оправданы только в случае, если групповые интересы совпадают с личными или, по крайней мере, способствуют индивидуальному успеху. Наиболее опасным для индивида следствием его нахождения в группе является возможность растворения его в группе, утери идентичности, отличающей его ото всех остальных.

В восточных моделях социального взаимодействия коллективистские ценности носят откровенно положительную, а

индивидуалистические ценности – отрицательную оценку. Восточные модели произрастают и базируются на *культуре общности*, что обуславливает естественное подавление качеств индивида, не вписывающихся в коллективистскую систему ценностей, и «поощряет» личностные характеристики, поддерживающие коллективную систему ценностей. Известно, что в японской системе ценностей коллективные, общественные цели явно доминируют над индивидуальными.

В индивидуалистической и коллективистской культурах значимость одних и тех же действий существенно различаются. «У людей, принадлежащих к разным культурам, могут не совпадать представления о достойном пути проявления своих способностей. В индивидуалистических культурах демонстрация знаний и умений обычно поощряется. И такое самое поведение может рассматриваться как неприличное или грубое в культурах, где ценятся межличностные отношения, кооперация и скромность» [38, с. 75].

Рассмотрим это на примере, казалось бы, совершенно внекультурной категории «трудолюбие». Для большинства исследований не вызывает сомнения, что американцы и японцы отличаются трудолюбием. Но не все обращают внимание на то, что в собственных культурах категория «трудолюбие» расшифровывается по-разному. Американское трудолюбие максимально рационально. Американец трудится ровно столько, сколько необходимо для достижения конкретного результата деятельности с наименьшими трудозатратами. При этом, трудовой процесс и вознаграждение за него должны быть индивидуальными. В японской культуре трудолюбие понимается не столько как конечный результат, сколько как процесс. Поэтому, если в американской культуре трудолюбивым назовут человека, добившегося высоких трудовых успехов, то в японской – человека азартно трудящегося, причем, или вместе со всеми, или на виду у всех. Доминирующей формой производственного взаимодействия в японской культуре является «групповое сотрудничество», в котором процветающая фирма – это конечная цель и только от ее процветания зависит благополучие каждого. Поэтому противопоставлять личные интересы интересам своей фирмы – вещь несуразная, невозможная.

В центрально- и западноевропейских национальных культурах проявляются различные комбинации, сочетания индивидуально-личностных и коллективно-общественных компонентов, находящихся между североамериканской и восточными моделями. Подчеркнем, различные комбинации, при этом существенно друг от друга отличающиеся.

Социально-экономическая значимость коллективизма и индивидуализма в западноевропейской и североамериканской социологии строится на их корреляционной зависимости с мотивом достижения и, как

следствие, с общественной экономической эффективностью. Господствующая точка зрения в североамериканской и западноевропейской социологии заключается в том, что эффективная предметная деятельность может мотивироваться только в случае достижения частной цели. В условиях индивидуалистической культуры частный интерес, частная собственность, частный предприниматель являются самодостаточными высоконравственными категориями, безусловно защищаемыми не только всеми государственными институтами, но и всей нравственной системой. В соответствии с индивидуалистической концепцией при групповой деятельности рациональное начало в мотиве достижения неизбежно растворяется, и его вытесняет иррациональное, аффективное стихийное начало. Отсюда – аксиома, в дальнейшем не требующая доказательства о «прогрессивности» индивидуальной, частной собственности и индивидуального труда и «архаичности» коллективной собственности и коллективного труда.

Эта связь между индивидуальным, частным интересом, мотивом достижения и экономической эффективностью, возможно, и является безусловной, но только в пределах *индивидуалистической культуры*. Ведь история показала, что в пределах *восточной коллективистской культуры* коллективные мотивы достижения проявляются не менее эффективно. «Японское чудо», «китайское чудо» показали, что высокая *экономическая эффективность* достигается и на базе *коллективной мотивации достижения*.

Разделение, а тем более противопоставление личных и общественных интересов, является достаточно условным. На самом деле, эти интересы являются взаимообуславливающими и взаимодополняющими друг друга. Любой индивид, будучи элементом социума, включен в систему общественных отношений. Точно также и социум состоит из индивидов и, в конечном счете, актуализирует индивидуальные интересы. На самом деле, проблема заключается не в противопоставлении, а в выстраивании онтологической приоритетности индивидуальных, личных, общественных, коллективных целей и потребностей. В реальной жизни баланс этих интересов осознанно или стихийно, в конечном счете, устанавливается. Альтернативой балансу общественных и личных интересов является аномия, распад общества.

Реальная проблема коллективистской или индивидуалистической парадигмы поведения заключается в выборе целостной парадигмы. В конце концов, практика показала жизнеспособность и одной, и другой моделей. Но, по сути, и в теории, и в практике проблема заключается в том, что мы имеем дело с попыткой эклектического соединения несоединимых, изначально «удобных», элементов индивидуалистической парадигмы с «привычными» элементами коллективистской. Например, выстраивание эклектической модели,

объединяющей в себе личную свободу выбора – из индивидуалистической культуры, и коллективную, общественную ответственность за результаты выбора – из коллективистской культуры. Именно в таком в соединении подобных несоединимых изначально элементов двух парадигм и находится разрушающий потенциал.

Традиционно считается, что менталитет восточных славян отличается повышенным коллективизмом. Общинность, коллективизм, круговая порука у восточных славян не были придуманными социалистами или коммунистами. Последние использовали эти ментальные славянские характеристики для достижения своих политических целей, но «придумали» общинность и коллективизм экстремальные условия выживания восточных славян. Жизненность восточнославянского коллективизма предопределяется социоцентрической идеей «люда», социальной гармонии, в которой оценочные механизмы акцентируют внимание не на материально-вещных результатах, а на мотивах, поступках, социально-духовных последствиях взаимодействующих индивидов. Чувство коллективизма, артельности сформировали у белорусов сложные, экстремальные условия их жизни. Испокон веков на такую форму совместной деятельности, как «талака» белорусские сельчане собирались для выполнения срочной, трудоемкой работы: вывезти лес, срубить хату, накосить сена, убрать урожай. При этом, в первую очередь оказывалась помощь вдовам, погорельцам, безлошадным. Заканчивалась «талака», как правило, застольем, гуляньем. Другой формой социального взаимодействия у белорусских крестьян была «сябрына» – обычай совместного пользования пчелами, скотом. Широко распространенной была и «бонда» – обычай угощать соседей свежениной, фруктами, хлебом из нового урожая.

Ощущение коллективистской сущности труда зафиксировано и в нашем исследовании. Так, белорусские респонденты показали «разнополюсность» нормативных оценок таких ментальных характеристик, как «трудолюбие» и «индивидуализм». Самой «положительной» ментальной характеристикой у белорусов зафиксировано трудолюбие, которое в качестве желательного определили 93,3 % опрошенных респондентов, и самой «нежелательной» – индивидуализм, который 63,4 % респондентов определили как отрицательный. Вместе с тем, ментальную характеристику «коллективизм» как положительную определили 60,1 % опрошенных белорусских респондентов. Таким образом, в оценке современных белоруссов в дихотомической диаде «индивидуализм – коллективизм» категория «трудолюбие» явно коррелирует с категорией «коллективизм» и совершенно не коррелирует с категорией «индивидуализм». Разведя по противоположным полюсам трудолюбие и индивидуализм, респонденты «сконструировали» симптоматичную диаду «неиндивидуальное трудолюбие». В представлении белорусских респондентов трудолюбие в идеальном варианте должно быть

коллективным и не может быть индивидуальным. Наше исследование подтвердило тот факт, что в этом аспекте белорусские респонденты ощущают себя частью скорее восточной, чем западной культуры.

В последнее время, вместе с изменением вектора общественного развития, происходит ревизия мировоззренческих ценностей в системе взаимодействия индивид – общество, в том числе, девальвирование идеи коллективизма и усиление личностно-индивидуальных компонентов. Идеи гуманизации и гуманитаризации, популяризация идей гражданского общества, вестернизация, американизация средств массовой информации, вкупе с реалиями нарождающегося капитализма, ослабили коллективистские ценности. И тем не менее, в дихотомической паре «коллективизм – индивидуализм» такое важнейшее качество личности, как стремление к личной свободе, независимости коррелирует именно с коллективизмом. Результаты соотношения характеристик «стремление к личной свободе, независимости», «коллективизм» и «индивидуализм» в их нормативном выражении в представлении белорусских респондентов зафиксированы в табл. 2.6.

Таблица 2.6

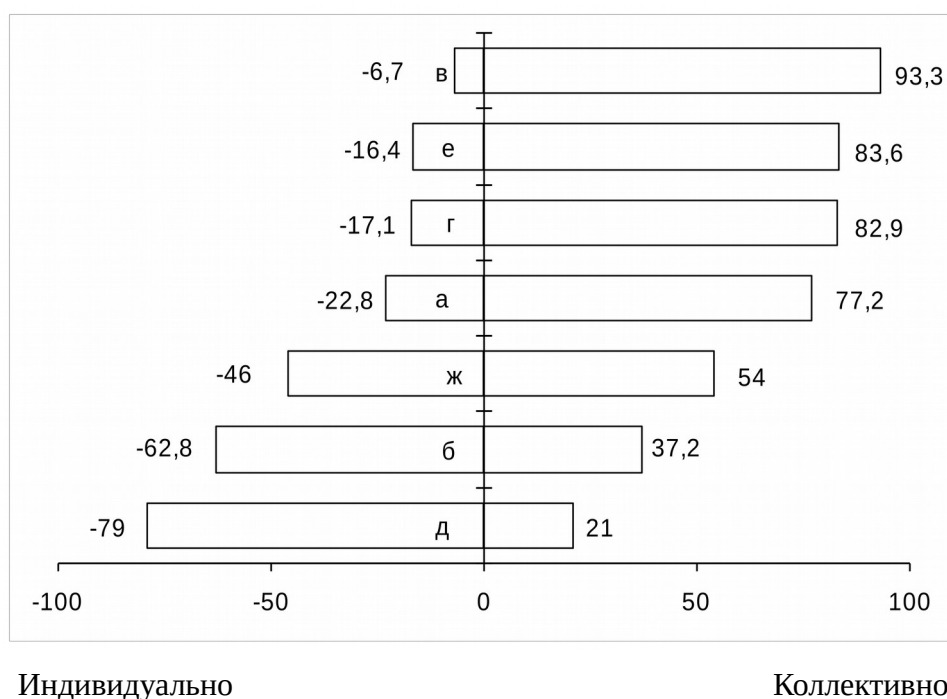
**Нормативные значения ментальных характеристик
«стремление к личной свободе, независимости»,
«коллективизм» и «индивидуализм» в представлении белорусов**

Рейтинг	Личностная характеристика	Оценка			
		Положительная, %	Нейтральная, %	Отрицательная, %	Приведенная, %
5	Стремление к личной свободе, независимости	93,4	2,8	3,8	89,6
12	Коллективизм (один за всех и все за одного)	78,1	3,9	18,0	60,1
20	Индивидуализм (каждый сам за себя)	32,2	4,4	63,4	-31,2

Итак, зафиксированные в таблице данные показывают, что в оценке 93,4 % белорусских респондентов *стремление к личной свободе, независимости* оценено как положительное. При этом только для третьей части респондентов категория «*индивидуализм*» носит положительную социально-нравственную нагрузку, тогда как почти две третьих опрошенных эту категорию оценили отрицательно. С категорией «коллективизм» ситуация иная. Почти 80 % опрошенных оценили ее положительно и только 18 % – отрицательно. Результаты анкетного опроса позволяют сделать вывод о том, что утверждение личной свободы и независимости белорусские респонденты связывают не с индивидуализмом (в североамериканской культурно-цивилизационной

системе координат индивидуализм – это и есть форма достижения личной свободы и независимости), а с умеренным коллективизмом. Достижение личной свободы и независимости современными белорусами предполагается не через преодоление влияния коллектива, которое в североамериканской культуре ассоциируется с бездушной толпой, нивелирующей личность, являющейся «путами» в разворачивании свободной личности, а через коллектив и посредством коллектива. Сопоставление современными белорусами трех ментальных характеристик, субординация их нормативных оценок говорит о том, что в настоящее время они ощущают себя звеном скорее восточной, чем западной культуры.

Отмеченные выше данные выражают нормативную (желательную) оценку индивидуализма и коллективизма. Но, во-первых, в реальной действительности ни в одном обществе, независимо от официальной идеологии, ни полностью «слиться» с обществом, «раствориться» в нем, ни полностью «атомизироваться», выйти из общества индивид не может. Во-вторых, в различных сферах своей жизнедеятельности потребность индивида в «атомизации» и дистанцировании от общества будет различной. Для проверки этой гипотезы соотношение индивидуалистической и коллективистской компонент было дифференцировано в следующих сферах жизнедеятельности индивида: в производственной деятельности; при защите Родины; распределении и потреблении результатов труда; в повседневной, каждодневной жизни, в организации досуга, отдыха; в сложных, важных жизненных ситуациях; в критические периоды развития общества в мирное время. Полученные данные зафиксированы на рис. 2.12.

- а – в производственной, учебной деятельности;
- б – в распределении и использовании результатов труда;
- в – при защите Родины;
- г – в критические периоды развития общества в мирное время;
- д – в повседневной, каждодневной жизни;
- е – в сложных, важных жизненных ситуациях (свадьба, юбилей, несчастный случай, похороны);
- ж – в организации досуга, отдыха.

Рис. 2.12. Соотношение индивидуально-коллективистских компонент в различных сферах деятельности в представлении белорусов

Как и прогнозировалось в рабочей гипотезе исследования, при расслоении сфер жизни выбор респондентами образа взаимодействия друг с другом в каждой из них оказался более сложным. Следует подчеркнуть, что и этом случае средняя оценка коллективистских действий по семи сферам жизни человека оказалась явно доминирующей (61,2 %). Но заметим, что при недифференцированной оценке значимость коллективизма респондентами была определена более высоко. Превышение идеальной нормы коллективизма (78,1 %) над средней оценкой (61,2 %) подтверждает традиционно-славянскую значимость коллективизма. Средняя оценка индивидуальных форм жизнедеятельности составила 35,1 %. Подчеркнем, что более высокая средняя оценка индивидуализма (35,1 %), по сравнению с ее нормативной (идеальной) оценкой (18,0 %), также подтверждает традиционную, существенно меньшую, в сравнении с коллективизмом, значимость.

«Расслоенная» система взаимодействия показала, что современные белорусы в различных сферах своей жизни по-разному хотели бы быть и коллективистами и индивидуалистами. В *сфере отдыха и досуга* коллективные и индивидуалистические начала оказались практически уравновешенными. Как и следовало ожидать, максимальный, практически абсолютный, коллективизм белорусские респонденты зафиксировали в ситуациях *защиты Родины*. События Великой Отечественной войны достаточно убедительно подтвердили способность белорусов объединиться для тотального противоборства с незваными чужеземцами. Республика-партизанка, каждый четвертый житель которой погиб в противоборстве с коричневой чумой, явилась настоящим адом для фашистских оккупантов.

Подавляющее большинство респондентов предпочли коллективные действия также и в *критические периоды развития общества в мирное время*. Современные условия системной трансформации восточнославянских государств, в том числе и Беларуси, усиливают коллективистскую компоненту. По нашему представлению не в последнюю очередь и этот факт обусловил неудачу в использовании на постсоветском пространстве метода «шоковой терапии». Ведь одна из обязательных

составляющих «шоковой терапии», как условия выхода общества из кризисного состояния, – является быстрая «атомизация», дистанционирование личности от общества и государства. Практика показала, что в наших условиях достаточно легко «атомизироваться» смогла относительно узкая прослойка общества, сумевшая «преступить», выйти за пределы восточнославянских нравственных общинных принципов традиционного общества. У подавляющей же части общества в кризисных условиях сработал коллективностремительный алгоритм. Явно коллективистским оказался и выбор респондентами *способа производства*: три четверти опрошенных полагают, что производственной деятельностью следует заниматься коллективно. Историческая память «подказала» большинству современных белорусов, что заниматься производственной деятельностью, особенно в сложных условиях, лучше коллективно, что производство – дело общественное. Подчеркнем, парадигмы индивидуального или коллективного поведения не ограничиваются какой-то одной сферой жизнедеятельности этноса. Организаторы производства знают, что настоящий производственный коллектив становится таковым только при достижении коллективной гармонии как в профессионально-деятельной, так и в социально-личностной сферах.

Явно коллективистский алгоритм зафиксировали респонденты и в решении *сложных, важных жизненных ситуаций* индивида. Свадьба, похороны, рождение ребенка у восточных славян всегда были делом не только личным, но коллективно-родовым и общественным. Данные исследования подтвердили, что и у современных белорусов эти нормы сохраняют свою устойчивость.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что результаты социологического исследования показали, что современные белорусы хотели бы быть «атомизированными», защищенными от вмешательства общества и государства в их повседневную жизнь, а также в распределение и использование результатов труда.

Таким образом, оценка значимости индивидуализма и коллективизма, выбор белорусскими респондентами оптимальных форм деятельности в важнейших аспектах жизнедеятельности позволяет сделать следующие выводы.

- Как на нормативном, желательном уровне, так и в самоощущении белорусы отличаются от поляков, литовцев, немцев, американцев повышенным коллективизмом. Следовательно, и при организации производственной деятельности, реализации социальных технологий, следует исходить из того, что в представлении современных белорусов именно коллективная деятельность будет комфортной и эффективной. Но следует четко представлять, что ничем не ограниченное коллективное ощущение у восточных славян легко трансформируется в свою противоположность –

круговую поруку, коллективную безответственность. Одна из задач организаторов коллективной, совместной деятельности заключается в «выстраивании» четкого баланса между интересами и ответственностью коллектива и персональными интересами и ответственностью каждой личности.

- В процессе трансформации общества изменяются ценности, вкусы, пристрастия, но по-прежнему все важнейшие личностные события – дни рождения, юбилеи, свадьбы носят ярко выраженный коллективистский характер, необходимым атрибутом которых является застолье: во-первых, нерационально обильное, потому что так требует ритуал гостеприимства, во-вторых, массовое, а в третьих, синхронизированное; тосты-здравицы, в которых все участники торжества должны публично выразить свое отношение к виновнику торжества; общие коллективные танцы и общие коллективные застольные песни. Сколько в разные времена по этому поводу принималось ограничивающих либо вовсе запрещающих документов, но их суть не изменяется.
- Обеспечение социальной синхронности, равенства всех членов общины для белорусов было жестким алгоритмом выживания. Подсознательно, а, возможно, и осознанно белорусы настраивались на равенство – если хорошо, то всем, а если плохо, то тоже всем. Белорусская самооценка «так как у всех» могла дополняться самооценкой «не хуже, чем у других», но не могла дополняться самооценками – «лучше, чем у других», «хуже, чем у других».
- Белорусы, будучи скорее экстравертами, чем интровертами, самих себя узнают скорее глазами других, чем своими собственными глазами. Постоянно получать эмоциональную поддержку своих близких людей для белоруса является не менее важным, чем обеспечивать собственное материальное благополучие. О суггестивной зависимости белорусов от оценок мира, родных, близких и просто знакомых говорит устойчивость поистине народной традиции – публичного поздравления с личными событиями посредством средств массовой информации – радио, телевидения, печатных изданий. Помещение фотографий на Доску почета, публичное вручение Почетной грамоты и в современных рационально-рыночных условиях востребовано не меньше, чем в советские времена.
- Восточные славяне вообще, а белорусы – особенно, отличаются высокой предрасположенностью к суггестии, внушению. У славян «послушный мальчик», «послушная девочка», «покладистый человек» всегда были категориями, вне сомнения, положительными. Не случайно, в восточнославянской версии

христианства – православии – послушание, послушник – едва ли не самые главные качества человека, и, наоборот, гордость, гордыня, своеволие – одни из самых порицаемых качеств, тогда как в североамериканской терминологии послушание, покладистость называются «конформностью», «конформизмом», обозначают «приспособленчество» и носят, безусловно, социально-отрицательную нагрузку.

- Оценивая достаточно высоко такое качество, как «стремление к личной свободе, независимости», его реализацию современные белорусы связывают не с индивидуализмом, не с «атомизацией», противопоставлением себя другим субъектам, а с действиями внутри коллектива и вместе с коллективом. Алгоритм обеспечения личной свободы и независимости современные белорусы видят не в противоборстве с другими, не вопреки другим, а вместе с другими, внутри коллектива. Белорусская модель достижения личной свободы и независимости не вписывается не только в североамериканскую, но и западноевропейскую модели. С определенными оговорками можно утверждать, что наиболее близким аналогом белорусской модели обеспечения личной свободы и независимости может служить японская модель.
- Некоторое ослабление у современных белорусов коллективистских ценностей является защитной реакцией против вмешательства общества и государства в повседневные, личные дела индивидов, против уравнилельных систем распределения результатов коллективного труда. Вместе с тем, такие сферы жизнедеятельности, как производство, сложные, важные жизненные ситуации в личной жизни, защита Родины и преодоление препятствий в критические периоды развития общества современными белорусами в мирное время мыслятся как дело совместное, коллективное.
- Критические условия общественного развития усиливают у белорусов коллективистскую компоненту. Этот факт обусловил неудачу в использовании метода «шоковой терапии» в мобилизации общества. Ведь одно из обязательных условий «шоковой терапии» как способа выхода общества из кризисного состояния – быстрая «атомизация», дистанционирование личности от общества и государства. Практика показала, что в восточнославянских государствах «атомизироваться» смогла достаточно узкая прослойка общества, сумевшая «преступить», выйти за пределы восточнославянских нравственных коллективистских принципов традиционного общества. У основной же части общества в кризисных условиях сработал коллективно-стремительный алгоритм. Историческая память

«подказала» большинству современных белорусов, что выживать и заниматься производственной деятельностью в критические периоды развития общества предпочтительней коллективно.

2.4. ВРЕМЕННОЙ ТЕМПОРИТМ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕНТАЛИТЕТА

Специфика ощущения времени является одним из структурообразующих компонентов национально-этнического менталитета. Результаты социологического исследования показали, что одной из самых травмогенных для белорусов является такая ментальная характеристика, как точность, обязательность: в самооценке она занимает последнее, двадцатое место. Только для 12,1 % респондентов точность и обязательность стали нормой, тогда как с тем, что необходимо иметь эти качества согласны 88,6 % из них. Почему же сложилась такая парадоксальная ситуация? Если бы временной алгоритм зависел только от желания субъекта деятельности, то решить проблему не составило бы большого труда. На самом деле, вопрос, конечно же, не так прост, как кажется на первый взгляд. На несовпадение астрономического и социально-психологического (ментального) времени люди обращали внимание еще в древности. Как совершенно верно заметили П.А. Сорокин и Р.К. Мертон, «само введение “ментального возраста” (mental age) – свидетельство методологической недостаточности астрономической хронологии в этой области. Эмпирически доказано, что нет постоянной связи между хронологическим и ментальным возрастом» [35, с. 113]. Румынский философ-этнограф М. Элиаде сформулировал гипотезу, в соответствии с которой разные этносы и нации различаются особенностями ощущения времени: одни тяготеют к циклическому ощущению времени, другие – к линейному [11, с. 85-100]. Первое, являясь продуктом архаических аграрных культур, характеризуется устойчивостью, повторяемостью циклов (суточных, годовых, жизненных). Принципиальной отличительной чертой циклического времени является ощущение действительности не столько разумом, сколько эмоциями и чувствами, тогда как линейное время исключительно рационально.

Современным западным цивилизациям присуще рациональное, четко выраженное линейное восприятие пространства и времени (человек живет «здесь и сейчас»), которое заставляет выстраивать в четкой последовательности как сам предметный мир, так и действия, направленные на его преобразование. Линейное ощущение времени северогерманских этносов, синтезированное с протестантской

богоугодностью труда, предопределяет высокую интенсивность деятельности с четкой последовательностью в ее осуществлении: сначала одно, затем второе, после этого третье и т. д. Это ощущение времени и послужило фундаментом формирования индустриального образа жизни.

Описывая влияние этической системы протестантизма на формирование западноевропейского капитализма, М. Вебер указывал, что для предпринимателя-протестанта «главным и самым тяжелым грехом является *бесполезная трата времени*. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для подтверждения своего призвания. Трата этого времени на светские развлечения, пустую болтливость, роскошь, даже на превышающий необходимое время сон – не более шести, в крайнем случае, восьми часов – морально совершенно не допустима. Здесь еще не вошло в употребление изречение “время – деньги”, которое нашло свое место в трактате Бенджамина Франклина, однако в духовном смысле эта идея в значительной степени утверждалась: время безгранично дорого, ибо каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан приумножению славы Его» [5, с. 186].

В отличие от североамериканцев, швейцарцев, немцев, которые живут в четко выраженном социально-психологическом ощущении линейного времени, восточные славяне психологически живут в циклическом времени, основными атрибутами которого являются, во-первых, движение по кругу (все возвращается на круги своя), а во-вторых, взаимная связь множества субъектов и объектов деятельности друг с другом. История восточных славян вообще, а белорусов особенно связана с крестьянским трудом, крестьянским образом жизни. Деятельность крестьян была направлена одновременно на несколько объектов. Аграрный способ жизни требовал от сельчан быть и земледельцами, и скотоводами, и строителями, и рыболовами, и охотниками. Основной вид деятельности – сельскохозяйственный труд и основной объект деятельности – природа могли сформировать у белорусов, во-первых, только полихроматическую картину мира, а во-вторых, алгоритм поведения, в котором действия выстраиваются не в линейной последовательности (сначала одно, потом другое), а в одновременном выполнении нескольких дел. Переключаясь с одного объекта на другой, славянин психологически *не опаздывает*, он *задерживается*, возможно, на более важном объекте. Поэтому чувство вины за невыполнение задания в установленный срок славянином не осознается – ведь он не бездельничал.

Ф. Кудринский в книге «Белорусы», изданной в 1904 году в г. Вильно, отмечает, что «характерной чертой для белоруса следует признать его учение сосредоточиться, подолгу останавливаться на наблюдаемом явлении... Порою его ум очень широкий по захватам мысли... Но природная боязнь ко всему широкому заставляет ум белоруса съежиться, обуздать самого себя. Трудно найти на свете человека менее требовательного, чем белорус. Постоянное «себе на уме», обдумывание

своего положения, вечные счеты... сделали его чувственным ко всем неожиданностям. Белорус принимает к сердцу неприятности, которые ставят его в тупик. Он не знает русского «авось»... Белорус всю свою жизнь повторяет «а зараз»... и никогда не торопится. Он более всего любит покой и обожает праздники... Белорус необыкновенно терпелив...» [31, с. 234].

Сезонность сельскохозяйственного труда в условиях относительно короткого благоприятного периода сформировала у восточных славян аритмичное ощущение времени. «Спрессованность» времени в одни периоды и его «растянутость» в другие – объективная потребность организации жизни людей, «включенных» в природные циклы. Некоторые временные отрезки требовали предельной концентрации сил (весенний и осенний день – год кормит), другие давали возможность расслабиться. Ограничение или полный запрет любых видов труда в определенные сакральные для славян периоды являлись своеобразным регулятором чередования труда и отдыха.

Циклическое восприятие времени детерминировано календарно-циклическим модусом хозяйственной деятельности крестьянина. Как совершенно справедливо отмечают П.А. Сорокин и Р.К. Мертон, «обозначение времени, в смысле продолжительности и выражения, связано с социальными действиями... Выражение времени отражает социальную жизнь группы. Название дней, месяцев, времен года... фиксирует социальную жизнь» [35, с. 114]. В отличие от латинизированного русского языка белорусский язык сохранил старославянскую природно-циклическую сущность названий месяцев: *студзень, люты, сакавік, красавік, чэрвень, ліпень, жнівень, верасень, кастрычнік, лістапад, снежань*. Нетрудно видеть, что уже в самих этих названиях достаточно четко зафиксированы сезонно-природные установки на определенный вид деятельности. Самый сложный и самый ответственный период крестьянского труда – уборка урожая и заготовка продуктов питания на долгую зиму – называется *страдой*, которая имеет не только общий корень, но и общую эмоциональную нагрузку с категорией *страдать*, мучиться.

Время в восточнославянском менталитете не является простой фиксацией физического измерения. Время у восточных славян наполнено социально-событийными и эмоционально-личностными переживаниями. Будучи включенными в естественно-природную композицию, восточные славяне выстроили для себя естественно-природные, временные ориентиры и шкалы – хронотопы. Для наших предков важнейшими из них были суточные и годовые циклы. Правомерно предположить, что основной единицей временного цикла у славян является *год*. От корня *год* образована целая группа понятий с существенно различающейся социальной и нравственно-психологической нагрузкой. Понятие «год» у восточных славян обозначает законченный временной цикл, в пределах которого осуществились периоды расцвета (весна), созревания (лето), зрелости (осень)

и отмирания старого и очищения пространства для нового (зима). Понятие «ежегодный» обозначает естественно-природную законченную и имеющую жизненно важное значение годовую цикличность.

В годовой цикличности у восточных славян главным хронотопом, важнейшей точкой его конца и его же начала была осень – пора сбора урожая, подведения итогов за предыдущие циклы и планирования жизни на будущее. Осенью заканчивался старый и начинался новый годовой цикл – новый год. Исторически зимний новый год мог возникнуть только в достаточно жарких климатических условиях, где неприятный зной в это время сменялся приятной прохладой. Но восточных славян проблемы избыточного тепла никогда не волновали. Новый год в славянских климатических условиях не мог начинаться в холодное, безмолвное время, когда мать-земля покрыта белым снегом-саваном. Осень, когда щедрая, урожайная нива воздает славянину за труды его, могла быть базовым хронотопом, базовой сакральной временной точкой. Поэтому восточнославянский новый год мог приходиться только на осень. *Дожинки* с их хлебосольством, демонстрацией плодов своего труда были важнейшей реперной точкой, важнейшим хронотопом не только в единении людей друг с другом, но и в единении людей с природой. Совершенно не случайно в современной Беларуси так легко и естественно восстановился этот праздник. Именно осенью у восточных славян было принято играть свадьбы.

Следующим по значимости циклическим периодом была весна – это и пробуждение природы, и надежды на благополучный новый виток в бесконечном цикле времени, и надежды на саму жизнь. Весной восточные славяне должны были вступать в новые сакральные отношения с природой. Именно весной в их сознании просыпалось обостренное чувство *взаимодейственности* людей с природой. Если осенью природу люди должны были только благодарить, то весне должны помогать: следовало помочь освободить природу от зимы, для чего следовало ее ритуально сжечь, а потом помочь проснуться весне. Для этого весну нужно было приглашать, звать, гукать. «Весенний день – год кормит», «осенний день – год кормит» – наиболее характерные алгоритмы социальной наполненности этих двух главных для восточных славян периодов. Трудно представить себе алгоритм «летний день – год кормит», потому что в летний период растет только то, что было посеяно весной и будет убрано осенью. И совсем невозможно представить восточнославянский алгоритм «зимний день – год кормит».

От базового корня *год* в славянском мире образованы производные:

- год
- годовать
- ежегодный
- година
- погода
- непогода
- погожий
- распогодиться
- невзгода
- выгода
- пригодиться
- угодить
- годный
- негодный
- негодяй

Нетрудно видеть, что перечисленные производные имеют существенно различающуюся смысловую нагрузку. Условно их можно разделить на *социально-временные, природно-временные, социально-продуктивные*.

Социально-временная категория *годовать* обозначает активные действия родителей или лиц, их заменяющих в воспитании детей. *Година* – время, нагруженное сложными, как правило, негативными социальными событиями, в связи с чем эта временная категория часто употребляется в связке *лихая година*. (Правомерно предположить, что категория *година* отличается от *года* тем же, чем *личина* отличается от *лица* – выраженным негативным аспектом).

Категории *погода, непогода, погожий, распогодиться* имеют природно-временную нагрузку и обозначают, что в зависимости от природно-климатических условий год может быть как хорошим при *погоде*, так и нехорошим, пустым при *непогоде*. Здесь следует иметь в виду, что, в отличие от современного языка, словосочетания «хорошая погода», «плохая погода» нашими предками не употреблялись. Термин *погода* обозначал благоприятное природно-климатическое время, а *непогода* – неблагоприятное. Поэтому *погожими* обозначались благоприятные (оптимальные) условия, и, наоборот, *непогожими* были неблагоприятные природные условия, а понятие *распогодиться* обозначало *восстановление погоды*.

Выгода, годный, угодить, пригодиться у восточных славян были социально-продуктивными временными категориями. Бесцельным, безрезультативным время быть не должно. *Выгода* обозначает меру той пользы, которая получена за определенный промежуток времени. Категория *годный* является критерием эффективной деятельности, тогда как категория *негодный* обозначает вредное, пустое использование времени, а *негодяй* обозначает человека, убивающего время.

Циклическое полихроматическое ощущение времени у восточных славян предопределяет психологическое и социальное «отставание» от западноевропейцев. В восточнославянском ощущении время как бы никуда не уходит, его много. Славянские пословицы предельно четко фиксируют психологию восприятия циклического времени как самостоятельной субстанции, которую человек может не только ощущать, но и взаимодействовать с ней («у Бога дней много»; «всему свое время»; «поспешись – людей насмешишь»; «тише едешь – дальше будешь»; «семь раз отмерь – один раз отрежь»). А словосочетания «провести время», «убить время» могут быть понятными только в контексте славянской культуры, но

представляются совершенно невразумительными в американской или западноевропейской культурах.

Прошедшее время в мироощущении белорусов не уходит бесследно, поскольку оно является воплощением деятельности их предков, многократного повторения проверенного жизнью опыта, ставшего традицией. Прошедшее время и является подлинным, «золотым». «Преданья старины глубокой» – это и есть подлинное, без обмана бытие. Древняя икона, древний символ, древний обычай являются более значимыми, более ценными, чем новая икона, новый символ, новый обычай. Освоение накопленного опыта, следование древним традициям для белорусов было более важным, чем эксперименты по внедрению нового. «Старый» и «старик» – синонимы не дряхлого, умирающего, но преуспевшего в старании, старающегося человека. *Старый, старинный, старающийся, старательный* – однокоренные понятия, выражающие сущность сохранения и освоения накопленного опыта. Отсюда – «старый друг – лучше новых двух».

Западноевропейское и североамериканское линейное ощущение времени выстраивает жесткую цепочку: *прошлое* → *настоящее* → *будущее*. При этом настоящее не может быть раньше прошлого, а будущее – раньше настоящего. Психология линейного монохроматического времени в западной культуре четко фиксирует единую пространственно-временную субстанцию «здесь и сейчас». В отличие от линейного в циклическом ощущении времени *прошлое, настоящее и будущее* существуют в любой последовательности. Это является одной из причин того, что в восточно-славянской культуре в цепочке *прошлое – настоящее – будущее* ее центральное звено – *настоящее* – зачастую удивительным образом исчезает. В критические периоды развития общества одна часть населения *не ощущает* реальности *настоящего*, потому что оно уже в *прошлом* (раньше была настоящая жизнь), поэтому *будущее* непонятно и страшно. Другая часть *не признает настоящего*, потому что в их представлении оно является только продолжением *плохого прошлого*, а хорошее – только в будущем, принципиально отличном, прямо противоположном и прошлому и настоящему. Третья, самая малочисленная, но самая активная и агрессивная группа населения, сумевшая преодолеть славянский циклический алгоритм ощущения времени, уродливо восприняла западноевропейское ощущение пространственно-временного алгоритма – «здесь и сейчас». Это выразилось в том, что западноевропейский пространственно-временной алгоритм «здесь и сейчас» жестко коррелирует с протестантскими императивами, во-первых, непрерывного профессионального, трудового служения Богу на земле и, во-вторых, личного добровольного ограничения в потреблении, аскетизма. Вместо протестантского «я создаю много, но лично потребляю мало» сформировался алгоритм «новых» русских и «новых» белорусов – «не важно, сколько произвожу, важно, что я здесь и сейчас много потребляю».

«После меня – хоть потоп» – алгоритм ощущения времени, в котором нет ни *прошлого*, ни *будущего*, а есть только *настоящее*. Эту зависимость между ощущением времени и поведением в свое время описал Л.Н. Гумилев. В частности, он отмечал, что общество динамично развивается только тогда, когда в нем лидируют *пассеисты*, т. е. «люди, ощущающие себя промежуточным звеном между прошлым и будущим, чувствующие личную ответственность за них... Не только свой труд, но и свою жизнь эти люди жертвуют во имя великих общественных идей» [7, с. 94]. Иная судьба ждет общество, когда в нем начинают доминировать *актуалисты*. «Люди этого склада забывают прошлое и не хотят знать будущего. Они хотят жить сейчас и для себя. Они мужественны, энергичны, талантливы, но то, что они делают, они делают для себя. Они тоже совершают подвиги, но ради собственной алчности, они ищут высокого положения, чтобы насладиться своей властью, ибо для них реально только настоящее, под которым неизбежно понимается свое личное ... когда процент людей этого склада в составе этноса увеличивается, то наследство, скопленное их жертвенными предками, быстро растрачивается, и это производит обманчивое впечатление изобилия, поэтому и считается расцветом» [7, с. 94].

Трансформация хозяйственной жизни этноса с преимущественно сельскохозяйственным видом деятельности на преимущественно промышленно-индустриальный вид деятельности изменяет временные темпоритмы. Циклическое полихроматическое ощущение времени постепенно трансформировалось в линейное монохроматическое. Но индустриализация восточных славян существенно отличалась от западного аналога. Западноевропейская индустриализация осуществлялась в течение нескольких столетий, во-первых, частным порядком, а во-вторых, в условиях жесткой конкуренции. При этом основные ее процессы происходили в результате естественных эволюционных изменений в технологии и экономике. Здесь каждое новое изменение было предопределено предыдущим.

В контексте конкретных исторических геополитических реалий, в отличие от «бесплановой», эволюционной западноевропейской индустриализации, и в Российской империи, и в Советском Союзе индустриализация могла осуществляться только централизованно и только при жестком планировании. Небывалые темпы и глубина индустриализации, помимо прочих условий, требовали жесткого линейного восприятия времени. Но индустриализацию и в Российской империи, и в Советском Союзе, в отличие от Западной Европы, производила крестьянская масса населения со сформированным циклическим полихроматическим ощущением времени. Неестественные темпы и способы индустриализации разрушали не только патриархально-традиционное материальное окружение, но и ломали стереотипы временного ощущения. Подвергаемая ныне критике плановая система с

лозунгами «Пятилетку – за четыре года», «Планы – до-срочно» как раз и была механизмом разрушения циклического полихроматического времени и построения монохроматической линейной характеристики. Но ломка крестьянского временного ощущения и утверждение линейного ощущения времени несли в себе не только положительный потенциал. Обратной стороной этого процесса явилось разрушение целостности мира. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, «научная революция разрушила этот образ: мир предстал как бездушная машина Ньютона, а человек – как чуждый и даже враждебный природе субъект (природа стала объектом исследования и эксплуатации). Время стало линейным и необратимым. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (не знакомый Востоку)» [16, с. 473].

Такая характеристика восточнославянского менталитета, как гостеприимство, вне сомнения, элемент полихроматической циклической модели времени. Феномен гостеприимства не укладывается в линейные временные рамки. Нельзя быть гостеприимным 15 минут или даже 2 часа. Гостеприимство изначально неспешно ритуально. Несмотря на урбанизированность и сегодня как придти вовремя в гости, так и уйти вовремя из гостей – остаются относительными понятиями. Поэтому «задержаться в гостях» по своему значению эквивалентно конструкции «быть в гостях».

Определенно циклической является и такая восточнославянская патриархальная ментальная характеристика, как «уважение младшими старших и забота старших о младших». В отличие от американской нуклеарной семьи, в которую входят муж с женой и их несовершеннолетние дети, членами восточнославянской семьи помимо родителей с детьми являются дедушки, бабушки, внуки, а также дяди, тети с их семьями. В американской семье понятие «дети» имеет четкие линейные временные границы, как правило, до 21 года. В восточнославянской семье категория «дети» соотносится только с категорией «родители». Дети являются таковыми, пока живы их родители. Поэтому и забота родителей о детях и уважение детьми родителей осуществляются пожизненно.

Сам временной темпоритм, как и все ментальные характеристики, является *амбивалентным*. Как линейное монохроматическое, так и циклическое полихроматическое ощущения времени сами по себе не являются ни положительными, ни отрицательными. Известные всему миру финские «горячие парни», благодаря высокой расчетливости в производстве, обеспечивают высокую экономическую рентабельность. Ярко выраженным полихроматическим циклическим ощущением времени обладают и японцы. Причем, неспешность японцев культивируется с детства. Фабулой одной из самых первых сказок, которые рассказывают родители японским детям, является сюжет, в котором соревнуются заяц и черепаха. При различных вариантах в конце сказки всегда побеждает

мудрая, неспешная черепаха. Несмотря на то, что, с точки зрения американцев, бесполезное созерцание японскими бизнесменами цветения сакуры и длительное ритуальное вступление в деловую беседу являются «убийством» времени, японская экономическая эффективность не нуждается в комментариях.

Следует отметить, что синхронизация социального действия этноса в значительной степени определяется ощущением синхронности коллективного темпоритма. По утверждению П.А. Сорокина и Р.К. Мертона, «однородность социальных биений пульсации деятельности делает ненужным астрономические рамки. Каждая группа с собственными связями общего, понятного всем ритма деятельности отсчитывает свое время соответственно своему поведению. Никакие сложные расчеты, основанные на математической прецизионности и точности астрономических наблюдений, не нужны для синхронизации и корреляции социального поведения» [35, с. 114]. Согласованный темпоритм общества обеспечивает условия его комфортного и бесконфликтного развития. Но в периоды «разогрева», когда начинают доминировать пассионарии, происходит рассогласование временных темпоритмов народных масс и правящей элиты. Эта рассогласованность «раздирала» восточных славян, начиная с эпохи Ивана Грозного.

Как известно, одержимый идеей догоняющей вестернизации, Петр I был вынужден «бежать» из исторического и культурного центра – православной Москвы – и основать свою столицу, фактически, за пределами России. На чужой не только географической, но и социокультурной почве вынужден был осуществлять свои прометеевские замыслы по вестернизации России великий реформатор. Им впервые была официально узаконена «догоняющая» система координат России по отношению к Европе. С этих пор Россия была обречена выполнять роль постоянно «догоняющей, но не способной догнать» Европу. «История России (начиная с реформ Петра I) – это во многом история догоняющих модернизаций. Г.В. Плеханов в свое время очень хорошо написал, что Россия – это кентавр, который возник в результате реформ, когда Петр I пришил европейскую голову к азиатскому туловищу традиционной России. Россия и после Петра I пережила несколько крупных догоняющих модернизаций, ряд прививок западного опыта на тело традиционного общества, осуществляемых сверху, – сильной, деспотичной властью, которая, преодолевая сопротивление традиции, ломала старый и насаждала новый образ жизни» [37, с. 20]. Начав «гонку за Европой», российская элита вынуждена была следовать за логикой взаимодействия все больше и больше отрывающихся друг от друга прозападной культуры и остановившейся во времени коренной народной культуры. К началу XX ст. этот разрыв достиг критической точки: элита и народ в прямом и в переносном смысле слова

говорили и думали на разных языках. Революции начала XX в. «разорвали» циклическое славянское время.

Реальность советского общества также укладывается в «догоняющую» концепцию. Восстановление разрушенного гражданской войной, «ускоренная» индустриализация народного хозяйства и опять-таки «ускоренная» коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление – вся социальная реальность объективно требовала ускорения, «сжатия» времени. Хрущевские установки «догнать и перегнать Америку» стали последним эпизодом, переполнившим чашу терпения, и с молчаливого согласия народа к власти пришли «остановившие время» «кремлевские старцы». Сменивший их М.С. Горбачев в робкой форме попытался реанимировать «догоняющую» концепцию в виде «ускорения». Финал попытки «догнать» мировое сообщество известен.

Реальность такова, что процесс формирования монохроматического линейного ощущения времени у восточных славян, и белорусов в частности, еще далеко не завершен. Но при этом и полихроматическая циклическая картина подверглась существенной деформации. Таковы условия и реальности формирования модификации модели ощущения времени у восточных славян. Но какова картина временного ощущения у современных белорусов? Рабочая гипотеза этой части исследования строилась на констатации того факта, что расширение индустриального начала в жизни нашего народа должно постепенно «вытеснять» полихроматическое циклическое ощущение времени, заменяя его на монохроматическое линейное «поле». Поскольку ощущение времени является составной частью менталитета белорусов, правомерно предположить, что этот процесс не будет происходить слишком быстро. Обратимся к результатам социологического исследования, в котором, в частности, респонденты должны были определить наличие двух временных характеристик: 1) стремления к быстрым, радикальным общественным изменениям и 2) стремления к медленным, постепенным общественным изменениям. В табл. 1 сведены данные социологического исследования, оценивающие темпы общественного реформирования у трех восточнославянских и одного западнославянского народов.

Сгруппированные в таблице данные позволяют зафиксировать следующие показатели:

1. Самооценки белорусами, русскими, украинцами и поляками (белорусы о белорусах, русские о русских, украинцы об украинцах, поляки о поляках) своего стремления к быстрым, радикальным и медленным, постепенным общественным изменениям.

2. Оценки белорусов, русских, украинцев и поляков стремления к быстрым, радикальным и медленным, постепенным общественным изменениям друг у друга.

3. Соотношение оценок стремления к быстрым, радикальным общественным изменениям с оценками стремления к медленным, постепенным общественным трансформациям.

Таблица 2.7

Баланс между быстрыми, радикальными общественными изменениями и медленными, постепенными

Респонденты	О белорусах	О русских	Об украинцах	О поляках	Нормативный уровень
Белорусы	$\frac{16,5^*}{49,8^{**}} = 0,33$	$\frac{31}{35,2} = 0,88$	$\frac{21,6}{31,9} = 0,68$	$\frac{29,1}{20,6} = 1,41$	$\frac{30,6}{20,6} = 1,5$
Русские	$\frac{17,6}{26,3} = 0,67$	$\frac{41,1}{34,3} = 1,21$	$\frac{23,5}{18,6} = 1,26$	$\frac{16,7}{22,3} = 0,75$	$\frac{3,9}{3,2} = 1,22$
Украинцы	$\frac{16,9}{32,1} = 0,53$	$\frac{45,4}{23,6} = 1,92$	$\frac{33,3}{44,8} = 0,74$	$\frac{22,7}{25,2} = 0,90$	$\frac{26,7}{18,1} = 1,48$
Поляки	$\frac{24,3}{33,1} = 0,73$	$\frac{28,2}{37,6} = 0,75$	$\frac{23}{28,9} = 0,80$	$\frac{34,8}{24,4} = 1,42$	$\frac{2,1}{15,9} = 0,13$

Примечание: * – удельный вес респондентов (в %), считающих, что национальной особенностью является стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе.

** – удельный вес респондентов (в %), считающих, что национальной особенностью является стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Данные социологического исследования, приведенные в табл. 2.7, показывают, что белорусские респонденты зафиксировали сразу несколько «рекордов». Во-первых, по их представлению у белорусов самая высокая оценка стремления к медленным, постепенным общественным изменениям, а во-вторых, у них самая низкая оценка стремления к быстрым, радикальным общественным трансформациям. Соотношение быстроты и неспешности в общественном реформировании, равное 0,33, наполняет конкретным содержанием старые славянские пословицы: «семь раз отмерь – один раз отрежь», «тише едешь – дальше будешь». Следует отметить, что и все соседи согласились с тем, что белорусы обладают самым медленным темпоритмом. Таким образом, белорусы и в самоопределении, и по определению своих соседей оказались максимально нагруженными славянской неспешностью. В-третьих, белорусы самые корректные в оценке темпоритмов своих соседей. Оценки ими темпоритмов русских, украинцев и поляков полностью совпали с их

собственными самооценками. Так, украинские респонденты свой темпоритм поставили на третье место, русские – на второе, поляки – на первое. Белорусы (и только они) расставили темпоритмы своих соседей в такой же последовательности.

В свое время Л.Н. Гумилев установил, что масштабность пространства, в котором обитают этносы, его социальная плотность определяют и временной темпоритм этноса. Восточные славяне имеют в своем распоряжении не только отличные от западноевропейских наций масштабы пространства, но и иные масштабы времени. Эта гипотеза была проверена в исследовании. По условиям исследования респонденты Беларуси, России, Украины и Польши должны были определить присутствие у себя и друг у друга, а также у немцев, американцев и литовцев степень выраженности ментальных характеристик, имеющих атрибуты времени и сопричастности. Результаты опроса белорусской подвыборки представлены в табл. 2.8.

Таблица 2.8

Уровни ментальных характеристик (в %), содержащих атрибуты времени и сопричастности, в оценке белорусских респондентов

Ментальные характеристики	Оценка белорусами ментальных характеристик			
	белорусов	немцев	русских	украинцев
Точность, аккуратность	12,1	83,4	9,5	6,6
Законопослушание	22,8	65,1	13,8	11,2
Стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе	16,5	19,7	35,2	31,9
Предприимчивость, расчетливость	10,9	46,6	17,4	20,0
Обязательность, верность слову, принятому решению	20,1	66,1	18,3	11,6
Соревновательность, конкуренция	10,2	37,3	21,9	12,2
Созерцательность	41,6	9,8	40,1	32,3
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	49,8	19,7	35,2	31,9
Гостеприимство	76,1	17,7	67,5	51,0
Духовность	35,9	24,6	34,1	21,4
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	72,7	17,4	55,7	38,9

Данные показывают, что рабочая гипотеза о соответствии масштабов пространства и масштабов времени подтвердилась. Собственное

ощущение времени белорусскими респондентами несущественно отличается от их оценок русских и украинцев, но принципиально – от немцев. Несовпадение цивилизационных временных скоростей легко просматривается не только между густонаселенной Германией и менее населенной Беларусью, но и в пределах нашей страны – между Гродненской и Гомельской областями (табл. 2.9).

Таблица 2.9

**Уровни ментальных характеристик (в %),
содержащих атрибуты времени и сопричастности,
в оценке жителей Гомельской и Гродненской областей**

Ментальные характеристики	Гомельская область	Гродненская область	Белорусская подвыборка
Точность, аккуратность	11,4	12,9	12,1
Законопослушание	19,3	26,6	22,8
Стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе	14,3	18,9	16,5
Предприимчивость, расчетливость	9,4	12,6	10,9
Обязательность, верность слову, принятому решению	17,1	23,2	20,1
Соревновательность, конкуренция	8,9	11,7	10,2
Созерцательность	40,9	42,3	41,6
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	49,5	50,1	49,8
Гостеприимство	78,8	73,1	76,1
Духовность	36,5	35,3	35,9
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	73,0	72,3	72,7

Несмотря на то, что оценки респондентов Гомельской и Гродненской областей имеют не качественные, а количественные различия, общая тенденция различий между Востоком и Западом присутствует. Жители Гродненской области чувствуют себя более предприимчивыми, расчетливыми, законопослушными, обязательными, верными слову, принятому решению. В отличие от жителей Гомельской области они более обязательны, стремятся к быстрым, радикальным общественным изменениям, тогда как по самооценкам жителей Гомельской области они более гостеприимны, более духовны, у них больше теплоты и сердечности в отношениях между людьми, более совестливы и сострадательны, чем респонденты Гродненской области.

Сопоставление ментальных характеристик, содержащих в себе временные атрибуты, показало:

- собственное ощущение времени белорусскими респондентами принципиально отличается от оценки этих же параметров у представителей Запада – немцев, американцев и поляков;
- оценка белорусами временных параметров у русских и украинцев практически совпадает с собственными самооценками;
- зафиксированы различия в самооценках временных характеристик жителей Гродненской и Гомельской областей.

Проверка рабочей гипотезы о том, что ментальным характеристикам с плотным содержанием времени будут противопоставлены ментальные характеристики, нагруженные качествами сопричастности, взаимодействия, подтвердила ее верность. На рис. 2.13 представлена модель, сконструированная из 6 дихотомических пар ментальных характеристик, присутствующих, с точки зрения белорусов, у немцев, обладающих самым высоким чувством времени, и самих белорусов, представление о времени у которых расплывчато.

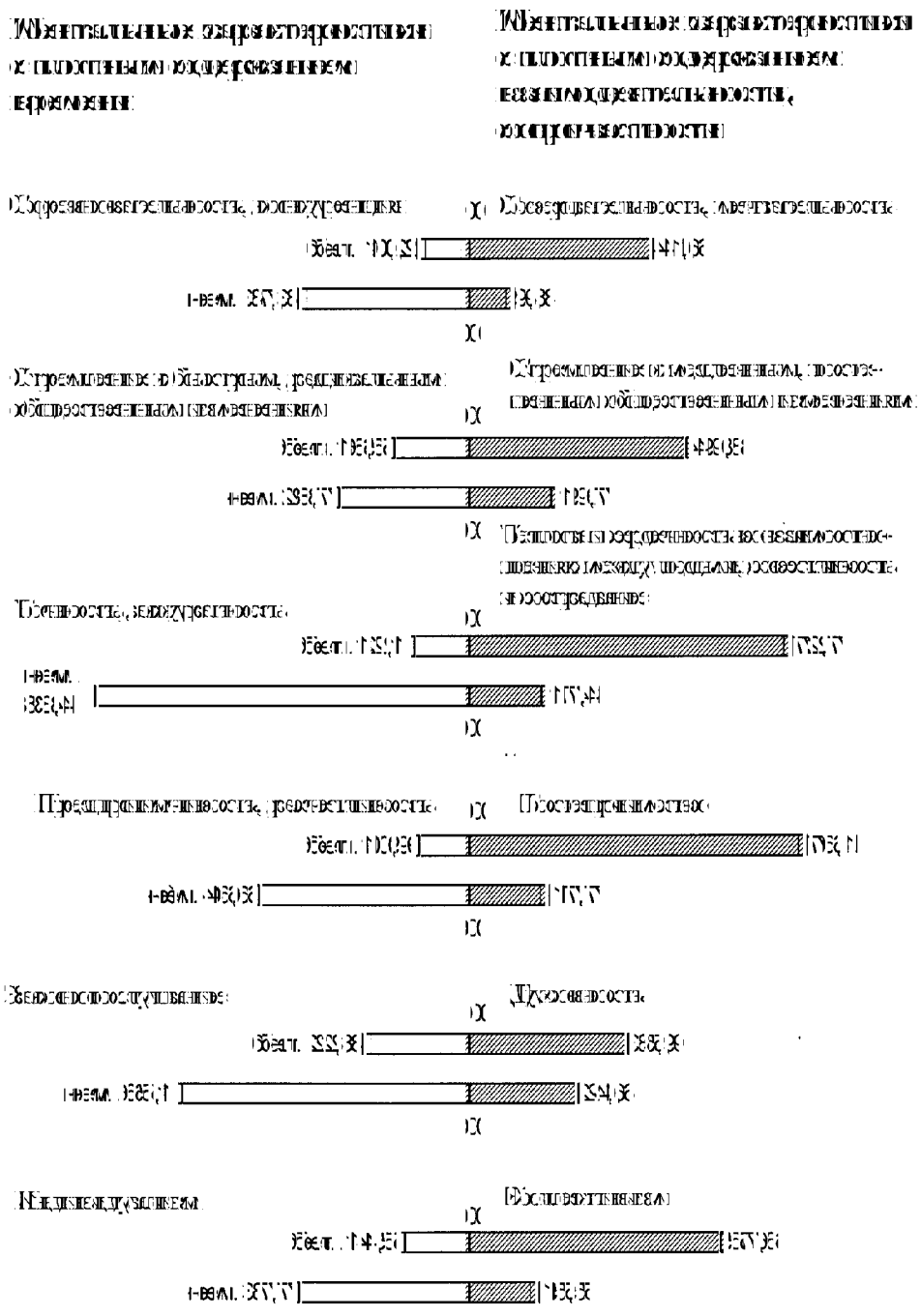

Рис. 2. 13. Взаимосвязь ментальных характеристик, содержащих атрибуты времени, с ментальными характеристиками, содержащими атрибуты сопричастности, взаимодействия

Сгруппированные на рисунке самооценки ментальных характеристик белорусов и оценки белорусами этих же характеристик у немцев подтвердили рабочую гипотезу о том, что характеристикам с плотно наполненными атрибутами времени противопоставляются характеристики с плотно наполненными атрибутами сопричастности, взаимодействия.

Данные социологического исследования подтверждают, что ментальные характеристики, имеющие плотное содержание времени (точность и аккуратность, стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям, предприимчивость и расчетливость, соревновательность и конкурентоспособность, обязательность, верность слову, принятому решению, законопослушание), белорусские респонденты в максимальной степени зафиксировали у немцев и в минимальной степени – у себя. И, наоборот, группу ментальных характеристик с «размытым» содержанием времени, но «плотным» содержанием сопричастности, взаимодействия (гостеприимство, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание, стремление к медленным, постепенным общественным изменениям, созерцательность, мечтательность и духовность) белорусы в наибольшей степени зафиксировали у себя, в наименьшей – у немцев. «Плотное» ощущение времени и низкий уровень сопричастности, созерцательности, характерные, с точки зрения белорусов, для немцев, вполне вписываются в веберовскую концепцию, утверждающую, что «пустым, а иногда даже вредным считается и... созерцание, во всяком случае, тогда, когда осуществляется в ущерб профессиональной деятельности, ибо созерцание *менее* угодно Богу, чем активное выполнение его воли в рамках своей профессии» [5, с. 186].

На основании приведенных данных социологического исследования можно сделать следующие выводы.

Время у восточных славян является сложной категорией, выражающей не только физические, но и социальные, нравственно-психологические характеристики. Социум и время у восточных славян являются составными частями единого целого. Люди и время сотрудничают друг с другом. Время не идет «само собой», ему нужно помогать, им нужно управлять.

Неспешность белорусов связаны не только с недостаточно строгими механизмами внешней регламентации (хотя и это тоже), сколько с национально-специфическим ощущением времени. Переключаясь с одного объекта деятельности на другой и переходя от взаимодействия с одним субъектом к взаимодействию с другим, психологически восточные славяне не опаздывают, а задерживаются, возможно, на более важном объекте.

Восточному славянину труднее, чем немцу, швейцарцу или американцу, контролировать себя **в линейном** времени, он нуждается в большей временной регламентации. Планирование деятельности, «привязка» начала и окончания работы к социально значимому событию – не волюнтаристская придумка, а объективная потребность.

Индустриализация производства, в том числе и сельскохозяйственного, урбанизация, переток населения Беларуси из сельской местности в города, становление в Беларуси

предпринимательства и класса предпринимателей, обязательными атрибутами которых являются точность, пунктуальность, способность опередить конкурента, стимулируют у современных белорусов трансформационные процессы замещения полихроматической, природно-циклической картины на монохроматический линейный темпоритм временного ощущения.

Наше исследование показало, что такие ментальные характеристики, как точность, обязательность противопоставляются ментальным характеристикам сопричастности и созерцательности. Белорусские респонденты достаточно четко это осознают. Если высокая точность, обязательность являются необходимыми атрибутами линейного времени, то высокая сопричастность и созерцательность – необходимыми атрибутами циклического времени, в котором способность видеть все объекты и взаимодействовать с ними одновременно более значимы, чем заданная кем-то последовательность освоения этих объектов. Для белоруса, впрочем, также как и для японца, потребность *поговорить* является не меньшим социальным результатом, чем *договориться*. Противопоставленность категорий времени и сопричастности не позволяет белорусам радикально изменить временной темпоритм. Ибо в таком случае приходится сокращать время, отведенное на реализацию сопричастности, взаимного сотрудничества.